Льюис Кэрролл

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

Иллюстрации Мэйбл Люси Эттвелл

Алиса в Стране чудес
Льюис Кэрролл

Аннотация
Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес
Глава первая. В кроличьей норе
Глава вторая. Слёзный пруд
Глава третья. Скачки наперегонки
Глава четвёртая. Билл в доме Кролика
Глава пятая. Совет Гусеницы
Глава шестая. Поросёнок и перец
Глава седьмая. Безумное чаепитие
Глава восьмая. Крокет у Королевы
Глава девятая. История Черевродепахи
Глава десятая. «Кадриль Омаров»
Глава одиннадцатая. Кто стащил пирожки?
Глава двенадцатая. Показания Алисы
Льюис Кэрролл. (1832–1898)
Мэйбл Люси Эттвелл. (1879–1964)

Аннотация

Если вы попали в кроличью нору, проглотили пирожок с надписью «Съешь меня!» – значит, вы уже в сказке! Через 14 лет после того, как английский писатель и математик Льюис Кэрролл написал о приключениях Алисы в Стране чудес, в Лондоне родилась Мэйбл Люси Эттвелл – девочка, которая очень полюбила рисовать. Её иллюстрации к «Алисе» стали очень популярны в Великобритании – ведь в них были и английская сдержанность, и лаконичность, и скрытый юмор, и безупречный стиль.

Льюис Кэрролл
Алиса в Стране чудес

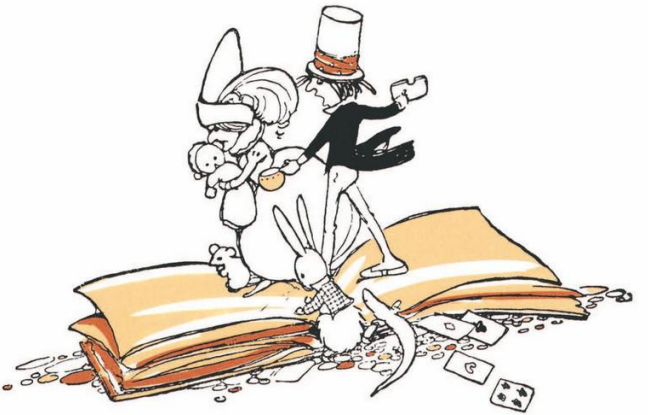
Lewis Carroll
Alice's Adventures in Wonderland
Alice's Adventures in Wonderland was originally published by Macmillan & Co. Ltd in 1865. This children's edition, entitled Alice in Wonderland and containing original illustrations by Mabel Lucie Attwel, was first published in 1911 by Raphael Tuck and Sons.
This edition published 2016 by Macmillan Children’s Books an imprint of Pan Macmillan
Illustrations copyright © Lucie Attwell Ltd

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Скользя беспечно по воде,
Всё дальше мы плывём.
Две пары ручек воду бьют
Послушным им веслом,
А третья, направляя путь,
Хлопочет над рулём.
Что за жестокость! В час, когда
И воздух задремал,
Просить назойливо, чтоб я
Им сказку рассказал!
Но трое их, а я один,
Ну как тут устоять?
И первый мне приказ летит:
– Пора начать рассказ!
– Побольше только небылиц! –
Звучит второй приказ,
А третья прерывает речь
В минуту много раз.
Но скоро смолкли голоса,
Внимают дети мне,
Воображенье их ведёт
По сказочной стране.

Когда же я, устав, рассказ
Невольно замедлял
И «на другой раз» отложить
Их слёзно умолял,
Три голоска кричали мне:
– Другой раз – он настал! –
Так о стране волшебных снов
Рассказ сложился мой,
И приключений возникал
И завершился рой.
Садится солнце, мы плывём,
Уставшие, домой.
Алиса! Повесть для детей
Тебе я отдаю:
В венок фантазий и чудес
Вплети мечту мою,
Храня как памятный цветок,
Что рос в чужом краю.



Глава первая
В кроличьей норе

Алисе надоело сидеть на пригорке рядом с сестрой и ничего не делать. Раза два она заглянула украдкой в книгу, которую та читала, но там не было ни разговоров, ни картинок. «Какой толк в книге, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Потом она стала раздумывать (насколько вообще это возможно в такой невыносимо жаркий день, когда одолевает дремота), стоит ли ей вста-

вать, чтобы нарвать маргариток и сплести венок, или нет, как вдруг Белый Кролик с розовыми глазками пробежал мимо неё.

В этом не было, конечно, ничего особенного. Не удивилась Алиса и тогда, когда Кролик пробормотал себе под нос:

— Ах боже мой, я опоздаю!

Думая об этом впоследствии, Алиса не могла понять, почему вовсе не удивилась, услышав, что Кролик заговорил, но в тот момент это не показалось ей странным. И лишь когда Кролик вынул из жилетного кармана часы и, взглянув на них, побежал дальше, Алиса вскочила, сообразив, что никогда ещё не случалось ей видеть его в жилете и с часами. Сгорая от любопытства, она бросилась следом и успела заметить, как он юркнул в кроличью нору под живой изгородью.

Алисе даже в голову не пришло остановиться или подумать, как будет выбираться оттуда.

Кроличья нора сначала была прямая, как тоннель, но потом обрывалась так внезапно, что Алиса не успела опомниться, как полетела куда-то вниз, точно в глубокий колодец.

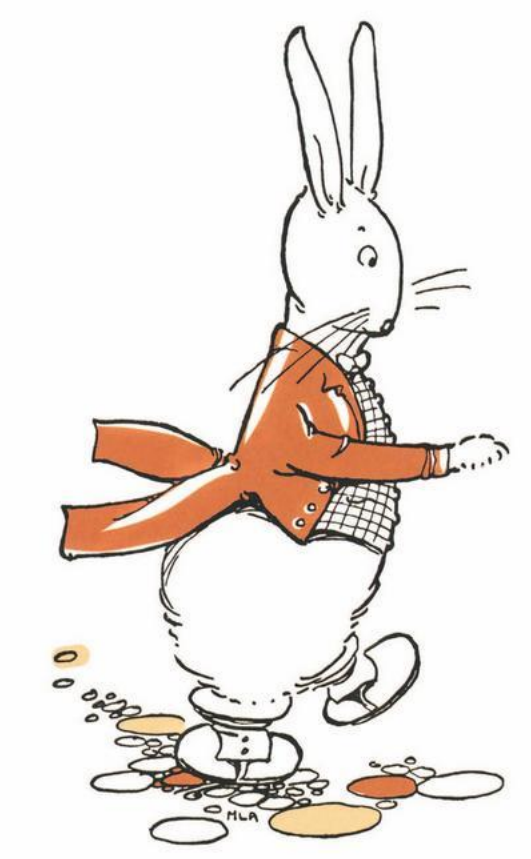
То ли колодец был уж очень глубок, то ли падение было слишком медленным, но Алиса вполне успела осмотреться и даже подумать: что же

будет дальше?

Внизу ей разглядеть ничего не удалось: сплошная чернота — тогда она стала рассматривать стены колодца. Её взору предстали шкафы с книгами и полки с посудой, и что уже совсем удивительно — географические карты и картины. Пролетая мимо одной из полок, Алиса схватила стоявшую на ней банку и увидела бумажный ярлычок с надписью: «Апельсиновый джем». Однако, к величайшему огорчению Алисы, банка оказалась пустой. Сначала она хотела просто бросить её, но, побоявшись попасть кому-нибудь в голову, ухитрилась поставить на другую полку, мимо которой пролетала.

«Вот так полёт! — думала Алиса. — Теперь и с лестницы падать не страшно. И дома меня, наверное, все будут считать очень храброй. Ведь если даже свалиться с крыши самого высокого дома, ничего необычного не увидишь, не то что в этом колодце».

Тем временем её полёт продолжался.



«Неужели этот колодец бездонный? — пришла

ей в голову мысль. — Вот бы узнать, сколько я уже пролетела?»

Подумав так, она громко сказала:

— Пожалуй, так и до центра Земли можно долететь. Сколько до него?.. Кажется, шесть тысяч километров.

Алиса уже изучала разные предметы и кое-что знала. Правда, сейчас неуместно было хвалиться своими познаниями, да и не перед кем, но всё-таки захотелось освежить их в памяти.

— Да, до центра Земли шесть тысяч километров. На какой же я теперь широте и долготе?

Алиса не имела ни малейшего понятия о географических координатах, но ей нравилось произносить серьёзные умные слова.

— А может, и вовсе через весь земной шар насквозь пролечу! — сказала себе она. — Вот весело-то будет увидеть людей, которые ходят вверх ногами! Их, кажется, называют анти…патиями.

Тут Алиса запнулась и даже порадовалась, что у неё нет слушателей, поскольку почувствовала, что слово это неправильное — этих людей называют как-то по-другому.

— Ну и ладно. Просто спрошу у них, в какую страну попала. Например, у какой-нибудь дамы: «Скажите, пожалуйста, сударыня, это Новая Зе-

ландия или Австралия?» — Алиса хотела при этом сделать реверанс, но на лету это весьма затруднительно. — Только она, пожалуй, решит, что я совсем глупая и ничего не знаю! Нет, лучше уж не спрашивать. Может быть, там есть указатели…

Время шло, а Алиса всё продолжала падать. Делать ей было совершенно нечего, и она снова стала рассуждать вслух:

— Дина будет очень скучать без меня (Дина — это Алисина кошка). Надеюсь, ей не забудут налить вечером в блюдечко молока… Дина, моя милая, как было бы хорошо, если бы ты была сейчас со мной! Правда, мыши здесь, наверное, только летучие, но ведь они очень похожи на обыкновенных. — Алиса зевнула — ей вдруг захотелось спать, совсем сонным голосом проговорила: — Едят ли кошки летучих мышек? — Она повторяла свой вопрос снова и снова, но иногда ошибалась и спрашивала: — Едят ли летучие мышки кошек? — Впрочем, если некому ответить, то не всё ли равно, о чём спрашивать, верно?

Алиса чувствовала, что засыпает, и вот ей уж приснилось, что она гуляет с кошкой и говорит ей: «Признайся-ка, Диночка, ты когда-нибудь ела летучую мышь?»

И вдруг — хлоп! — Алиса приземлилась на кучу листьев и сухих веток, но ни капельки не ушиблась и тотчас же вскочила на ноги. Посмотрев вверх, она ничего не увидела — над головой была непроглядная темень. Осмотревшись вокруг,

Алиса заметила прямо перед собой длинный тоннель, а ещё увидела Белого Кролика, который со всех ног улепётывал по этому тоннелю. Нельзя было терять ни минуты. Алиса помчалась за ним и услышала, как он, поворачивая за угол, пробормотал:

— Ах, мои ушки и усики! Как же я опаздываю!

Алиса почти настигла ушастого, но Кролик вдруг исчез, как сквозь землю провалился. Алиса огляделась и поняла, что очутилась в длинном зале с низким потолком, с которого свешивались лампы, освещавшие помещение.

В зале было множество дверей, но все они были заперты — Алиса убедилась в этом, подёргав каждую. Огорчённая, она бродила по залу, раздумывая, как же ей выбраться отсюда, и вдруг увидела в центре зала столик из толстого стекла, а на нём золотой ключик. Алиса обрадовалась, решив, что это ключ от одной из дверей. Увы, ключ не подошёл ни к одной: одни замочные скважины были слишком большими, другие — слишком маленькими.

Обходя зал во второй раз, Алиса заметила занавеску, на которую раньше не обратила внимания. Приподняв её, она увидела низенькую дверцу — не больше тридцати сантиметров вы-

сотой, — попробовала вставить ключ в замочную скважину. К её величайшей радости, он подошёл!

АПЕЛЬСИНОВЫЙ
ДЖЕМ

Алиса открыла дверцу: за ней оказалось крошечное, только мышка и пролезет, отверстие, откуда лился яркий солнечный свет. Девочка опустилась на колени, заглянула туда и увидела чудесный сад — такой и вообразить себе невозможно. Ах, как было бы замечательно оказаться там среди клумб с яркими цветами и прохладными фонтанами! Но в узкий ход даже голова не пролезет. «Да и что толку, если бы голова пролезла? — подумала Алиса. — Всё равно плечи бы не прошли, а кому нужна голова без плеч? Ах, если бы я могла складываться, как подзорная труба! Разве что попытаться?..»

В этот день случилось столько удивительных

вещей, что Алисе стало казаться, будто ничего невозможного на свете нет.

Ну если в маленькую дверку никак нельзя войти, то нечего и стоять около неё. Ах, как хорошо было бы стать совсем маленькой! Алиса решила вернуться к стеклянному столику: а вдруг там найдётся ещё какой-нибудь ключик? Никакого ключа на столе, конечно, не оказалось, зато там стоял пузырёк, которого — она была в этом абсолютно уверена — раньше не было. На бумажке, привязанной к пузырьку, было красиво написано крупными печатными буквами: «Выпей меня».

Конечно, дело нехитрое, но Алиса была девоч-

кой умной и не стала с этим спешить. «Сначала я посмотрю, — благоразумно рассудила она, — не написано ли на пузырьке «Яд». Она читала много поучительных историй про детей, с которыми случались всяческие неприятности: они погибали в огне или попадали в лапы к диким зверям — а всё потому, что не слушались родителей. Их предостерегали, что о горячий утюг можно обжечься, а острым ножом — порезаться до крови. Но Алиса-то хорошо помнила всё это, как помнила и то, что не следует пить из пузырька, на котором написано «Яд»…

Но ведь такой надписи нет, правда ведь? Поразмыслив, Алиса всё же решила попробовать содержимое пузырька. Вкуснота! Только непонятно, то ли похоже на вишнёвый пирог, то ли на жареную индейку… вроде бы и вкус ананаса есть, и поджаренных тостов с маслом. В общем, пробовала Алиса, пробовала и сама не заметила, как выпила всё до капли.

* * *

— Как странно! — воскликнула девочка. — Мне кажется, я складываюсь, как подзорная труба!

Так оно и было на самом деле. Алиса сделалась совсем крошкой, не выше четверти метра. Лицо

её просияло при мысли, что теперь она сможет погулять в волшебном саду.

Но прежде чем отправиться к заветной дверце, девочка решила немного подождать: а вдруг станет ещё меньше. От этой мысли Алиса встревожилась: «А что, если я буду делаться всё меньше и меньше, как горящая свеча, а потом и вовсе исчезну?» Она попыталась представить себе, что же бывает с пламенем, когда свеча догорит и потухнет, но ей это не удалось — ведь Алиса ни разу в жизни не видела догоревшую свечку.

Убедившись, что меньше она не становится, Алиса решила тотчас же отправиться в сад, но, подойдя к дверце, вспомнила, что оставила на столе золотой ключик. А когда вернулась за ним к столу, то поняла, что не может до него дотя-

нуться. Она хорошо видела ключ сквозь стекло и попробовала было взобраться за ним по ножке стола, но из этого ничего не вышло: ножка оказалась такой гладкой, что Алиса соскальзывала вниз. Наконец, совсем выбившись из сил, бедная девочка села на пол и заплакала. Посидев так и пожалев себя, Алиса неожиданно рассердилась:

— Да что это я! Слезами делу не поможешь! Сижу тут как маленькая, сырость развожу.

Алиса, надо сказать, частенько давала себе очень разумные советы, но редко следовала им. Случалось, и ругала себя, да так, что хотелось реветь. Однажды оттаскала себя за уши за то, что сплутовала, когда играла сама с собой в крокет. Алиса очень любила воображать, что в ней одновременно живут две девочки — хорошая и плохая.

«Только сейчас, — подумала Алиса, — от меня осталось так мало, что и одна-то девочка еле-еле получится».

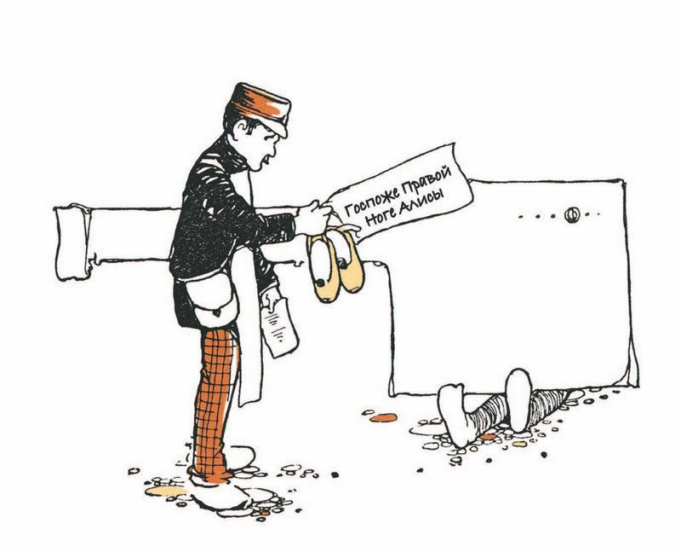
И тут она заметила под столом маленькую стеклянную коробочку, в которой оказался пирожок, а присмотревшись, прочла выложенную изюминками надпись: «Съешь меня».

«Отлично, вот возьму и съем, — подумала Алиса. — Если стану больше, то достану ключ, а если

меньше — то, может быть, пролезу под дверь. В любом случае в сад попасть смогу».

Откусив от пирожка совсем чуть-чуть, она положила руку на голову и стала ждать. К её величайшему удивлению, ничего не произошло, её рост не изменился. Вообще-то обычно так и бывает, когда ешь пирожки, но Алиса уже стала привыкать к чудесам и теперь очень удивилась, что всё осталось по-прежнему. Она снова откусила от пирожка, потом ещё и незаметно съела его весь.

Глава вторая
Слёзный пруд



— Господи, что же это такое? — изумлённо воскликнула Алиса. — Я начинаю вытягиваться, как гигантская подзорная труба! Прощайте, ноги!

Взглянув вниз, она едва разглядела свои ноги

— так далеко они были.

— Бедные мои ножки! Кто же будет теперь надевать на вас чулочки и туфельки?! Я-то буду слишком далеко, чтобы о вас заботиться. Придётся вам самим как-нибудь приспособиться… Нет, так нельзя, — спохватилась Алиса, — а вдруг они не захотят идти туда, куда мне нужно. Что тогда мне делать? Пожалуй, надо их побаловать новыми туфельками к Рождеству. — И девочка стала раздумывать, как это устроить.

Лучше, конечно, чтобы туфли приносил посыльный. Как забавно будет делать подарки собственным ногам! Или, например, надписывать:

«Госпоже Правой Ноге Алисы.
Посылаю вам туфельку.

С сердечным приветом, Алиса».

— Какие же глупости приходят мне в голову!

Алисе захотелось потянуться, но она стукнулась головой о потолок, так как теперь была ростом больше трёх метров. Вспомнив про чудесный сад, она схватила золотой ключик и бросилась к дверце.

Вот только бедняжка не подумала о том, что теперь никак не сможет попасть в сад. Един-

ственное, что она могла, — это лежать на боку и смотреть в сад одним глазком. Алиса села на пол и опять горько заплакала.

И как ни уговаривала она себя успокоиться, ничего не получалось: уговоры не действовали — слёзы ручьями лились из глаз, и скоро вокруг неё образовалось целое озеро.

Вдруг издалека раздался едва слышный топоток, причём с каждой минутой он становился всё отчётливее. Алиса торопливо вытерла глаза — надо же посмотреть, кто это там.

Оказалось, что это Белый Кролик. Разодетый, с парой белых лайковых перчаток в одной лапе и с большим веером в другой, он очень торопился и на ходу бормотал себе под нос:

— Ах, Герцогиня, Герцогиня! Она страшно рассердится, если я заставлю её ждать.

Алиса от отчаяния готова была обратиться за помощью к кому угодно и потому, когда Кролик приблизился, робко окликнула его:

— Простите, пожалуйста, господин Кролик…

Договорить она не успела. Кролик подскочил на месте, выронил перчатки и веер и, бросившись со всех ног прочь, скрылся в темноте.

Алиса подняла упавшие вещи и стала обмахиваться веером, потому что в зале было очень

жарко.

— Сколько странного случилось сегодня! — в раздумье проговорила она. — А ещё вчера всё шло как обычно. А может, всё дело во мне? Может, я изменилась? Такая ли я была, как всегда, когда встала утром? Кажется, утром я была немножко другая. Кто же я теперь? Вот в чём загадка.

И Алиса стала вспоминать всех своих подружек, чтобы понять, не превратилась ли она в одну из них.

— Ну, я уж точно не Ада, — размышляла Алиса. — У неё такие чудесные вьющиеся волосы, а мои прямые, как палки. И, конечно, я и не Мабель, потому что она почти ничего не знает. Я, конечно, тоже не всё знаю, но всё же побольше Мабель. Как же всё это странно и непонятно! Посмотрим, не забыла ли я то, что знала раньше… Четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь… Да что это я? Ведь так никогда не доберёшься до двадцати! Да и потом, таблица умножения — это совсем не важно. Лучше проверю себя по географии. Лондон — столица Парижа, Париж — столица Рима, Рим… нет, по-моему, не так! Похоже, я всё-таки превратилась в Мабель. Попробую вспомнить стихи про крокодила.

Алиса сложила руки, как делала всегда, отвечая урок, и начала читать стишок. Но голос у неё был какой-то хриплый, да и слова как будто были не те, что она учила раньше:

Милый, добрый крокодил
С рыбками играет.
Рассекая гладь воды,
Он их догоняет.

Милый, добрый крокодил,
Нежно так, когтями
Хватает рыбок и, смеясь,
Глотает их с хвостами!

— Нет, я и тут что-то напутала! — воскликнула Алиса растерянно. — Должно быть, я и вправду стала Мабель, и теперь мне придётся жить в их тесном неуютном домишке, и у меня не будет моих игрушек, и я должна буду всё время учить уроки! Ну нет: если уж я Мабель, тогда лучше останусь здесь, под землёй. А вдруг кто-нибудь просунет голову сверху и скажет: «Иди сюда, милая!» Тогда я посмотрю наверх и спрошу: «А я кто? Сначала скажите это, и если мне понравится быть тем, кем я стала, то я выйду наверх. А если нет, то останусь здесь до тех пор, пока не сделаюсь кем-нибудь другим...» Но как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь заглянул сюда! Так плохо быть одной! — И слёзы вновь хлынули ручьём.

Горестно вздохнув, Алиса опустила глаза и с удивлением обнаружила, что сама не заметила, как надела на руку крошечную перчатку Кролика. «Должно быть, я опять стала маленькой», — подумала она и бросилась к столу, чтобы выяснить, какого же теперь она роста.

Ну и ну! Она и вправду стала гораздо ниже — наверное, чуть больше полуметра — и с каждой минутой становилась всё меньше и меньше. К счастью, Алиса сообразила, отчего это происходит. Дело, конечно, в веере Кролика, который она держала в руке. Алиса тут же отбросила его в сторону — и как раз вовремя, иначе она исчезла бы без следа.

— Еле успела! — воскликнула Алиса, очень довольная, что всё кончилось благополучно. — Ну а теперь в сад!

И она побежала к маленькой дверце, забыв, что она заперта, а золотой ключик по-прежнему лежит на стеклянном столе.

«Сплошные неприятности, — с досадой подумала бедная девочка. — Такой маленькой я ещё никогда не была. И мне это не нравится. Совсем не нравится!»

И тут, будто в довершение ко всем неудачам, Алиса поскользнулась. Раздался шумный всплеск,

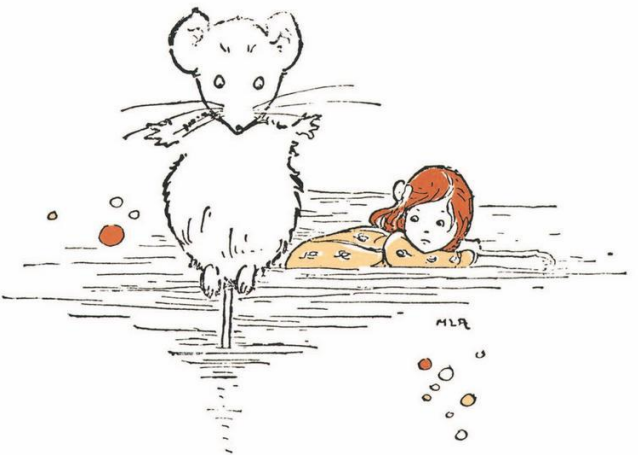
полетели брызги, и она очутилась по самую шею в солёной воде. Алиса решила, что оказалась в море. «В таком случае, — с надеждой подумала она, — я смогу вернуться домой на пароходе».

Когда Алиса была совсем маленькой, ей довелось съездить на море. Правда, она не очень хорошо представляла, какими бывают морские берега, помнила только, как дети с деревянными лопатками копались в песке, а недалеко от берега стояли пароходы.

Сейчас же, немного поразмыслив, Алиса поняла, что попала не в море, а в озеро или в пруд, который образовался из её слёз, когда она была ростом до потолка.

— Ну зачем я столько плакала! — посетовала Алиса, пытаясь выплыть на сушу. — Пожалуй, кончится тем, что я утону в собственных слезах! Это просто невероятно! Впрочем, невероятно всё, что сегодня происходит!

В это время недалеко от неё послышался громкий всплеск, и Алиса поплыла в ту сторону, чтобы посмотреть, кто бы это мог быть. В первую минуту ей пришло в голову, что это морж или бегемот, но потом она вспомнила, какой маленькой стала сама, и увидела, что навстречу ей плывёт мышка, которая, должно быть, тоже нечаянно попала в этот слёзный пруд.



«Может, она умеет разговаривать? — подумала Алиса. — Здесь всё так необыкновенно, что я вовсе этому не удивлюсь. Во всяком случае, ничего не случится, если я попробую с ней заговорить».

— Не знаете ли вы, уважаемая Мышь, как отсюда выбраться на сушу? — спросила она. — Я уже устала плавать и боюсь утонуть.

Мышь внимательно посмотрела на Алису и даже как будто прищурила один глаз, но ничего не ответила.

«Похоже, она меня не понимает, — решила Алиса. — Может быть, это французская мышка, которая приплыла сюда вместе с войском Вильгельма Завоевателя».

— Où est ma chatte? — произнесла она первое, что вспомнила из своего французского учебника, то есть: «Где моя кошка?»

Мышь так и подскочила в воде и задрожала от страха.

— О, простите меня, пожалуйста, — поспешила извиниться Алиса, от души сожалея, что так напугала бедную мышку, — я забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек! — пронзительно пропищала Мышь. — А вы бы любили их на моём месте?

— Должно быть, нет, — кротко ответила Алиса. — Пожалуйста, не сердитесь на меня. Но если бы вы только увидели нашу кошку Дину, то, думаю, полюбили бы кошек. Она такая хорошенькая! А как мило мурлычет, когда сидит около огня, лижет себе лапки и умывает мордочку. Я очень люблю держать её на руках, и она молодец: так ловко ловит мышей… Ах, пожалуйста,

простите! — снова воскликнула Алиса, увидев, что Мышь так возмущена её бестактностью, что вся шерсть встала у неё дыбом. — Мы не будем больше говорить про неё!

— Мы! — возмущённо воскликнула Мышь, дрожа до самого кончика хвоста. — Как будто я могу говорить про такие вещи! Всё наше племя ненавидит кошек — этих мерзких, низких, грубых животных! Не произносите больше при мне этого слова!

— Не буду, — покорно согласилась Алиса и поспешила поскорее сменить тему: — А собак вы любите?

Так как Мышь ничего не ответила, Алиса продолжила:

— У нас во дворе живёт такая миленькая собачка. Мне очень хотелось бы показать вам её. Это терьер — вы знаете эту породу? У него блестящие глазки и длинная шелковистая шёрстка. Он такой умный: приносит хозяину вещи и встаёт на задние лапки, если хочет, чтобы ему дали поесть, или просит чего-нибудь вкусного. Это собачка фермера, и он говорит, что ни за какие деньги не расстанется с ней. А ещё хозяин говорит, что она отлично ловит крыс, и мы… Ах боже мой, я опять её испугала! — жалобно воскликнула девочка, увидев, что Мышь торопливо уплывает от неё, так энергично загребая лапками, что по всему пруду пошли волны.

— Милая Мышка! — взмолилась Алиса. — Пожалуйста, вернитесь! Мы не будем больше говорить ни про кошек, ни про собак, если вы так их не любите.

Услыхав это, Мышь повернула назад, но по нахмуренной мордочке было ясно, что она ещё сердится. Чуть слышно, дрожащим голосом она сказала девочке:

— Вот доплывём до берега, и я расскажу вам свою историю, тогда поймёте, почему я ненавижу кошек и собак.

Да, и вправду пора на берег: в пруду плавало

теперь множество животных и птиц, попавших сюда тоже случайно. Были тут Утка, птица Додо, попугай Лори, Орлёнок и другие обитатели этого странного места.

И Алиса вместе со всеми поплыла к берегу.

Глава третья
Скачки наперегонки

Странное общество собралось на берегу: птицы с перепачканными в грязи перьями, животные со слипшейся шерстью. Все они вымокли так, что с них стекала вода, и вид у всех был мрачный и

несчастный.

Первым делом надо было, конечно, решить, как поскорее обсохнуть. Птицы горячо спорили об этом; Алиса тоже принимала участие в обсуждении, причём общалась со всеми запросто, как будто знала их всю жизнь. И это совсем не удивило её. Она даже пыталась спорить с попугаем Лори, но тот возмущённо заявил: «Я старше тебя и потому знаю больше». Алиса не могла вот так просто согласиться с этим, не имея понятия, сколько ему лет, но Лори самым решительным образом отказался назвать свой возраст, и после этого, уж конечно, им не о чем было говорить.

— Хватит спорить! Все замолчите и слушайте меня, — строго провозгласила Мышь, которая, по-видимому, пользовалась в этом обществе особым уважением. — Я быстро вас высушу!

Все послушно расселись вокруг неё. Алиса с интересом ждала, что же будет дальше. Она не сомневалась, что наверняка простудится, если платье её не высохнет в самое ближайшее время.

— Итак! — важно сказала Мышь. — Уселись? Вы сразу высохнете от моего рассказа, так как более сухой материи я не знаю. Попрошу абсолютной тишины: я начинаю! Вильгельм Завоеватель

пользовался поддержкой папы римского. Папа благословил его, и вскоре Вильгельм был признан англичанами, так как они остро нуждались в сильном руководителе и вожде. Он же был известен своими завоеваниями и победами. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии…

— Уф! — Лори дрожал с головы до лап.

— Простите, — ледяным тоном произнесла Мышь. — Что вы изволили сказать?

— Ровно ничего! — ответил Лори поспешно.

— Значит, я ошиблась: мне показалось, что вы чем-то недовольны, — заметила Мышь. — Итак, я продолжаю. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии, приняли сторону Вильгельма, и даже архиепископ Кентерберийский Стайджент, известный своей преданностью отечеству, нашёл это благоразумным и дальновидным.

— Нашёл что? — спросила Утка.

— Нашёл это, — ответила Мышь раздражённо. — Ты, надеюсь, понимаешь, что значит «это».

— Я отлично понимаю, что значит «это», когда сама что-нибудь нахожу, — заметила Утка. — Это обыкновенно лягушка или червяк. Но я-то спрашиваю, что нашёл архиепископ.

Мышь оставила вопрос без ответа и торопливо продолжала:

— Нашёл это благоразумным и сам отправился с Эдгаром Ателингом навстречу Вильгельму Завоевателю, чтобы предложить ему корону. Вильгельм поначалу вёл себя скромно, но дерзость норманнов… Ну как ты себя теперь чувствуешь, душенька? — вдруг повернулась к Алисе Мышь.

MABEL LUCIE ATTWELL

— Я всё такая же мокрая, — с грустью призналась та, — ни капельки не высохла. Ваша сухая материя мне что-то не помогает.

— В таком случае, — торжественно проговорил Додо, вскочив с места, — предлагаю почтенному собранию принять более радикальные меры и… отложить заседание.

— Говори понятнее! — прервал его Орлёнок. — Я не понимаю и половины твоих учёных слов, и, по-моему, ты сам мало что понимаешь. — Он отвернулся, чтобы скрыть усмешку, а некоторые из присутствующих так и вовсе захихикали.

— Я хотел сказать, — обиженно заметил Додо, — что мы быстрее просохнем, если устроим скачки наперегонки.

— Что такое — «скачки наперегонки»? — спросила Алиса.

— Чем объяснять, лучше мы тебе покажем.

И Додо приступил к делу. Прежде всего он выбрал подходящее место, очертил круг и расставил всю компанию по окружности. Потом предложил, чтобы кто-нибудь прокричал: «Раз-два-три — начали!» — но никто его уже не слышал. Всем так хотелось побыстрее обсохнуть и согреться, что каждый был рад бежать и прыгать куда угодно и сколько угодно.

С полчаса Додо пытался призвать расшалившуюся ватагу к порядку и, в конце концов, прокричал:

— Стоп!

Все окружили его и загалдели.

— Кто же победил? Кому достанется приз?

Додо не мог вот так с ходу решить, кто же самый быстрый, и надолго задумался, приложив коготь ко лбу, а участники скачек с нетерпением смотрели на него и ждали.

— Победили все, и приз получит каждый! — заключил наконец Додо.

— А кто же будет выдавать призы? — крикнули все хором.

— Конечно, она, — указал Додо на Алису.

— Призы! Призы! — загалдели звери, бросившись к Алисе.

Она растерялась и, не зная, что делать, опустила руку в карман. К счастью, там обнаружился пакетик с конфетами, не промокший в солёной воде, и Алиса решила, что это и будут призы. Пакетик был маленький, и всем досталось лишь по одной конфетке, а самой Алисе и вовсе не хватило.

— Как же так? — возмутилась Мышь. — Она тоже должна получить приз!

— Бесспорно, — согласился Додо и спросил Али-

су: — Нет ли у тебя ещё чего-нибудь в кармане?

— Только напёрсток, — грустно ответила она.

— Давай его сюда, — распорядился Додо.

Все окружили девочку, и Додо торжественно вручил ей напёрсток, сказав при этом:

— Просим тебя принять эту изящную вещицу!

Со всех сторон раздались восторженные крики и рукоплескания.

Церемония эта показалась Алисе очень глупой, но все смотрели на неё так серьёзно, что она не решилась рассмеяться.

Не зная, что сказать в ответ, она молча поклонилась и взяла напёрсток, стараясь выглядеть серьёзной.

Затем всё общество принялось за конфеты. При этом не обошлось без обид и недовольных возгласов. Большие птицы жаловались, что даже вкуса не распробовали, а малыши попытались проглотить конфету целиком, поперхнулись, и их пришлось хлопать по спине. Когда с конфетами было покончено, все снова уселись в кружок и попросили Мышь рассказать что-нибудь ещё.

— Вы обещали поведать свою историю, — напомнила Алиса, — и объяснить, почему вы так не любите животных… на «ка» и «эс». — Она не решилась сказать «кошек» и «собак», да и то, что

сказала, произнесла шёпотом, чтобы снова не обидеть Мышь.

— Эта история длиннее моего хвоста, да и

печальная очень, — тяжело вздохнула Мышь, обернувшись к Алисе. — Но, выслушав её, не спешите называть меня хвастуньей: помните только, что и я способна на мужественные поступки.

— Нам всем очень интересно, — вежливо сказала Алиса, окинув взглядом хвост Мыши, — но всё же название «хвастунья» вам очень подходит, и я понять не могу, почему оно вам не нравится.

Слушая рассказ Мыши, Алиса всё время смотрела на её хвостик, вот почему история представилась ей в таком виде:

Встретив мышку на
крыше, Кот сказал бедной
Мыши: «По закону
судиться я желаю с тобой.
И запомни-ка сразу,
не приму я отказа,
хоть, похоже, сегодня
день в суде выходной».
Робко молвила мышка:
«Неужели мне
крышка? Без судьи
и присяжных

суд, простите, не
суд!» Кот сказал
с миной важной:
«Я судья и
присяжный.
Присужу
тебя к смерти,
тем и кончим
наш суд!»

— Ты, кажется, вовсе не слушаешь! — возмутилась вдруг Мышь, взглянув на Алису. — О чём это ты думаешь?

— Нет-нет, что вы, я слушаю внимательно… Вы дошли до пятого важного момента… если не ошибаюсь.

— Скорее до очень важного узла…

— У вас узел на хвостике? — воскликнула Алиса и предложила: — О, давайте я помогу вам его развязать!

— Не дам! — отрезала Мышь и поднялась, намереваясь покинуть компанию. — Ваше предложение просто оскорбительно!

— Я вовсе не хотела вас обидеть, — взмолилась Алиса.

Мышь только проворчала что-то в ответ.

— Пожалуйста, не уходите — доскажите свою историю! — воскликнула девочка.

Все остальные присоединились к ней, но Мышь оставалась непреклонна.

— Как жаль, что Мышь покинула нас! — сказал Лори, когда рассказчица скрылась из виду.

А старый краб, воспользовавшись случаем, назидательно сказал юному крабу:

— Вот так-то, мой милый! Прими во внимание этот урок и никогда не проявляй нетерпения!

— Уж кто бы говорил, папаша, — дерзко ответил юный краб. — Вы сами способны вывести из себя кого угодно, даже устрицу!

— Ах, если бы Дина была здесь! — воскликнула Алиса. — Она бы живо вернула её назад.

— А кто такая Дина, смею спросить? — проговорил Лори.

— Это наша кошка, — с гордостью ответила

Алиса, всегда готовая поговорить о своей любимице. — Она замечательно ловит мышей! А за птицами как охотится! В мгновение ока может поймать и съесть!

Слова Алисы сильно взволновали всё общество.

— Мне пора домой! — заявила старая Сорока. — От холодного воздуха у меня может заболеть горло.

А Канарейка дрожащим голосом принялась звать птенчиков:

— Скорее, дети! Вам давно уже пора спать.

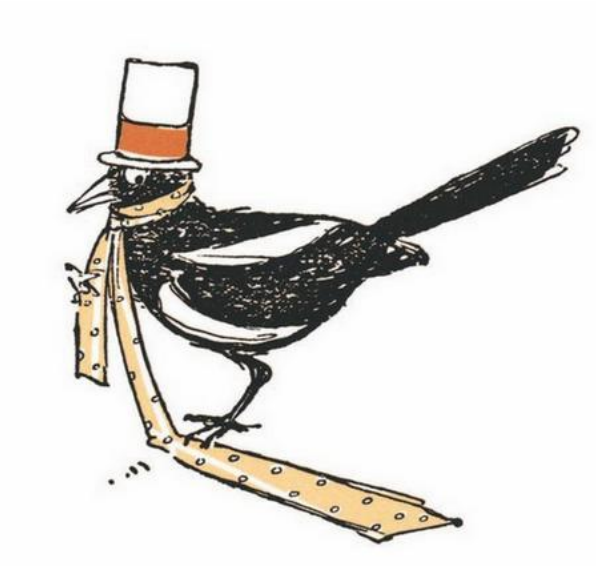
У всех тут же нашлась какая-нибудь уважительная причина, чтобы уйти, и через несколько минут Алиса осталась одна.

— Видимо, я напрасно упомянула о Дине, — со вздохом проговорила она. — Никто здесь, похоже, не симпатизирует кошкам, а ведь другой такой хорошенькой кошечки не найдётся во всём свете! Ах, моя милая Дина! Неужели я никогда не увижу тебя?!

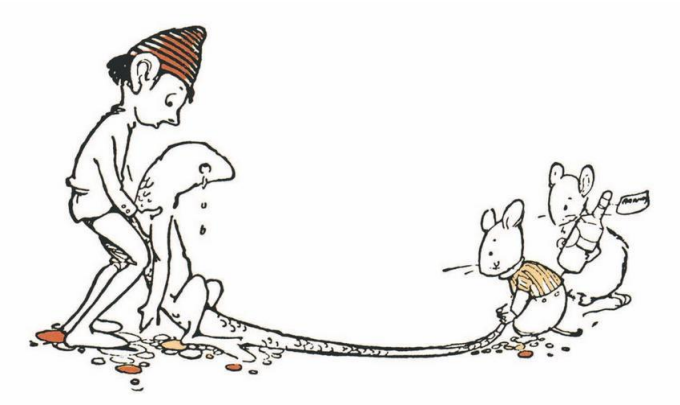
Тут бедная Алиса снова заплакала, вдруг почувствовав себя такой несчастной и одинокой!

Через некоторое время поблизости раздались шаги, и Алиса обернулась, решив, что это Мышь передумала и возвращается обратно, чтобы до-

сказать свою историю.



Глава четвёртая
Билл в доме Кролика



Но это была не Мышь, а Белый Кролик. Он медленно брёл назад и озабоченно оглядывался по сторонам, словно искал что-то. Алиса услышала, как он бормотал себе под нос:

— Что-то скажет Герцогиня? Ах вы, бедные мои лапки! Ах, мои усики и бедная моя шкурка! Она велит меня казнить — это так же верно, как то, что хорёк — это хорёк! И где только я мог их

потерять?

Алиса сразу поняла, что Кролик ищет свои перчатки и веер. Решив помочь ему, она огляделась вокруг, но ни веера, ни перчаток нигде не было видно. Всё странным образом изменилось с тех пор, как она упала в пруд. Зал с низким потолком, стеклянный столик, маленькая дверца — всё куда-то исчезло.

Заметив Алису, Кролик сердито крикнул ей:

— Что ты тут делаешь, Мэри-Энн? Беги сию же минуту домой и принеси мне веер и пару перчаток. Живо!

Алиса до того изумилась, что тотчас же побежала в ту сторону, куда показывал Кролик, даже не попытавшись ничего объяснить.

«Он, наверное, принял меня за свою горничную! — думала она. — Как же он удивится, когда узнает, что это не так. Я, конечно, постараюсь принести ему веер и перчатки, если только найду их!»

И только она это подумала, как увидела симпатичный маленький домик с блестящей медной дощечкой на двери, на которой было изящно выгравировано: «Б. КРОЛИК». Алиса вбежала в домик, не постучавшись, и бросилась вверх по лестнице. Она ужасно боялась, что встретится с

настоящей Мэри-Энн и та прогонит её из дому прежде, чем удастся найти веер и перчатки.

— Как странно, что мне приходится исполнять поручения какого-то Кролика! — возмущённо произнесла Алиса. — Так, пожалуй, скоро я и у Дины буду служить на посылках!

И Алиса представила себе, как это будет.

«Мисс Алиса, идите скорее одеваться, пора на прогулку», — скажет ей няня. «Я сейчас не могу, — ответит Алиса. — Дина велела мне сидеть до её прихода около вот этой щёлочки и сторожить, не появится ли мышка».

— Правда, если Дина вздумает так распоряжаться, — сказала Алиса, — то её вряд ли станут держать в доме.

С этими словами Алиса вошла в маленькую чистенькую комнатку; около окна стоял комод, а на нём лежали веер и две-три пары белых парадных лайковых перчаток. Алиса схватила одну пару и веер и уже собралась уходить, как вдруг увидела возле зеркала пузырёк. На нём не было ярлычка с надписью «Выпей меня», но Алиса всё-таки вынула пробку и осторожно приложила пузырёк к губам.

* * *

«Я уже знаю: если что-нибудь выпить или съесть, — рассуждала Алиса, — непременно случится что-нибудь необыкновенное. Посмотрим, что будет, если я попробую содержимое этого пузырька. Хорошо бы чуть-чуть подрасти — надоело уже быть такой крошкой».

Алиса и в самом деле стала невероятно быстро

увеличиваться в росте.

Не успела она выпить и половины пузырька, как почувствовала, что голова упирается в потолок, — даже пришлось пригнуться, чтобы не сломать себе шею. Она поспешно поставила пузырёк на место.

«Ну и огромная же я! Как же выбираться из домика? И зачем я столько выпила?»

Но ничего уже нельзя было исправить, и Алиса продолжала расти. Скоро ей пришлось стать на колени, потом сесть на пол и, наконец, лечь, упершись локтём в дверь. Однако она росла и росла. Ей даже пришлось просунуть руку в открытое окно, а одну ногу поместить в камин.

«Что же делать, если я вырасту ещё? А, будь что будет!»

К счастью для Алисы, действие волшебного напитка закончилось, и она, наконец, перестала расти. Но это её не очень-то обрадовало — она не представляла, как выберется из домика Кролика, и чувствовала себя совершенно несчастной, что, конечно, можно понять.

«Как хорошо было дома, — думала бедная девочка. — Там я не становилась то больше, то меньше, и кролики и мыши не командовали мной. Напрасно я полезла в кроличью нору, хо-

тя… здесь так много интересного! Когда читала волшебные сказки, мне казалось, что в жизни такого не бывает, а теперь вот всё это происходит со мной. Про меня можно было бы книжку написать. Вот когда вырасту, обязательно напишу… Впрочем, о чём это я? Куда ж ещё-то расти?» — с грустью заметила Алиса.

Поразмышляв над своим незавидным положением, она вдруг испугалась:

«А что, если я никогда не стану взрослой? Нет, это, конечно, вовсе не плохо — я никогда не буду старой. Да, но зато придётся всю жизнь учить уроки. Нет уж, благодарю!»

— Ну какая же я глупая! — вдруг воскликнула Алиса. — Ну разве можно здесь учить уроки? Тут даже и для меня-то места едва хватает, а учебники вообще некуда положить.

Так она продолжала разговаривать сама с собой, как вдруг до неё донёсся голос Кролика. Алиса прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! — кричал Кролик. — Принеси наконец мои перчатки, сию же минуту!

Потом лёгкие шаги послышались уже на лестнице. Испугавшись, что Кролик войдёт и увидит её, Алиса задрожала так, что затрясся весь дом: она совсем забыла, что стала теперь гораздо боль-

ше Кролика, а потому и бояться нечего.

Между тем Кролик поднялся по лестнице и попытался открыть дверь, но в неё упирался локоть Алисы, и войти ему не удалось.

— Придётся лезть в окно, — сказал Кролик.

«Ну уж нет!» — решила Алиса и, когда услышала, как Кролик подбирается к окну, высунула руку и сжала пальцы в кулак, как будто собиралась схватить его. Она, конечно, его не поймала, но услышала слабый жалобный писк и звон разбитого стекла.

— Пат! Пат! — послышались вопли Кролика. — Где ты там?

— Я здесь, хозяин, — ответил незнакомый голос. — Яблоню окапываю.

— Поди-ка лучше сюда да помоги мне! — сердито проговорил Кролик.

До Алисы донёсся звук какой-то возни, а потом снова звон разбитого стекла.

— А теперь скажи мне, Пат, что это такое в окне?

— Рука, хозяин.

— Рука? А ты видел когда-нибудь такие ручищи, что едва помещаются в окно?!

— Видеть не видел, но это всё-таки рука.

— Ну, ей тут совсем не место. Ступай и убери

её!

Наступило продолжительное молчание, а потом до Алисы донёсся шёпот:

— Нет, я не могу, хозяин, не могу!

— А я приказываю тебе, трус ты этакий!

WIRABBIT
MABEL LUCIE ATTWELL

Алиса опять высунула руку и попыталась кого-нибудь схватить. На этот раз послышался визг обоих — неизвестного Пата и Кролика, — и снова зазвенело разбитое стекло.

«Да что там происходит? — задумалась Алиса. — Интересно, как они собираются вытаскивать меня отсюда! Торчать здесь совсем не хочется».

Некоторое время было тихо. Потом послышалось тарахтенье колёс садовой тачки, и несколько голосов заговорили разом:

— Где же ещё одна лестница?

— Я принёс только эту, другая у Билла.

— Тащи её сюда, Билл! Поставь вот к этому углу!

— Нет, нужно сначала связать обе лестницы: они слишком короткие.

— Ну вот теперь хорошо.

— Иди сюда, Билл, держи вот эту верёвку!

— А крыша-то выдержит?

— Смотрите, черепица шатается, берегите головы!

Раздался страшный треск и грохот.

— Кто это сделал?

— Должно быть, Билл!

— А кто полезет в трубу — ты?

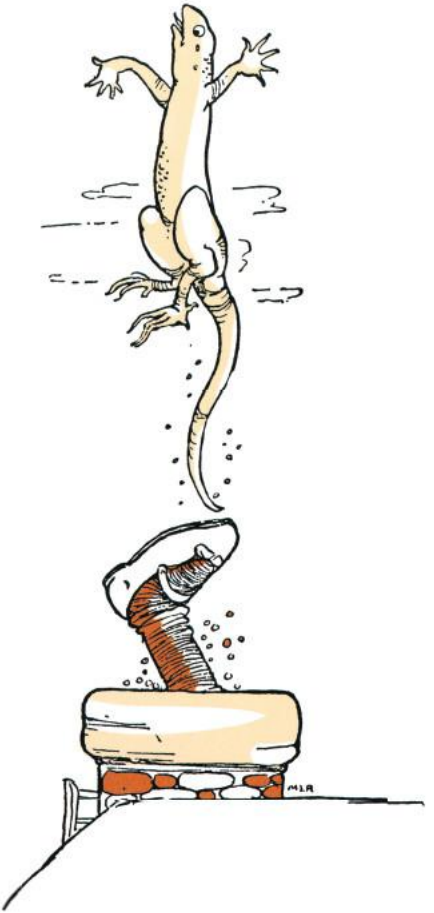
— Ну уж нет, полезай сам!

— И не подумаю! Пусть лезет Билл.

— Иди сюда, Билл! Твой хозяин велит тебе лезть в трубу!

«Значит, они решили проникнуть в дом через трубу, — догадалась Алиса. — И, похоже, всё взвалили на бедного Билла! Не хотела бы я быть на его месте… Камин, правда, тесноват, но просунуть туда ногу и наподдать этому Биллу я как-нибудь сумею!»

Алиса просунула ногу в дымоход как можно глубже и прислушалась, и как только в трубе зашуршало и завозилось, что было силы пнула ногой.


MLR

В трубе послышались шорох и писк, а потом раздались громкие крики:

— Глядите-ка! Это Билл!

— Держите его! Он упадёт! — подал голос Белый Кролик.

На несколько мгновений воцарилась тишина, а потом снова заговорили все сразу:

— Поддерживай ему голову!..

— Дайте ему выпить! По глоточку, по глоточку!

— Что с тобой, старина?

— Что случилось?

— Давай выкладывай всё начистоту!

Потом до Алисы донёсся слабый дрожащий голос — наверное, Билла:

— Сам не пойму… Спасибо, теперь мне лучше, но я ещё никак не приду в себя… Знаю только, как что-то огромное как двинет меня, я и вылетел из трубы словно пробка!

— Точно, так всё и было, старина! — закричали все.

— Придётся поджечь дом! — послышался решительный голос Кролика.

Услышав такое, Алиса крикнула что было сил:

— Не вздумайте, а то позову на помощь Дину!

Её слова возымели должный эффект, и насту-

пила глубокая тишина.

«Что они теперь придумают? — гадала Алиса. — Будь они поумнее, разобрали бы крышу».

Через минуту снаружи снова послышался шум, и Кролик сказал:

— Одной тачки, полагаю, будет достаточно.

«Одной тачки чего?» — забеспокоилась Алиса и очень скоро всё узнала. Град мелких камешков полетел в окно, и несколько даже попало ей в лицо.

Возмутившись, она громко крикнула:

— Советую вам прекратить!

И снова всё затихло, а Алиса с удивлением увидела, что упавшие на пол камешки превращаются в пирожки.

«Попробую-ка я съесть один, — подумала она. — Наверняка что-нибудь произойдёт с моим ростом. Больше расти уже некуда, значит, я начну уменьшаться».

Она съела пирожок и с радостью заметила, что действительно стала меньше. Когда рост её стал почти нормальным и уже можно было пройти в дверь, Алиса выбежала из домика и увидела целую толпу животных и птиц, собравшихся под окном вокруг Билла. Бедный Билл — маленькая ящерица — лежал на земле. Две морские свинки поддерживали его и поили из бутылки.

Как только Алиса показалась, все бросились к ней, но она пустилась наутёк и скоро очутилась в густом лесу.

«Первое, что необходимо сделать, — это обрести свой рост, а второе — найти дорогу в чудесный сад. По-моему, это очень хороший план», — размышляла Алиса, пробираясь сквозь лесную чащу.

План и в самом деле был хорош; единственное затруднение состояло в том, что Алиса положительно не знала, как привести его в исполнение. В то время как она с беспокойством оглядывалась

по сторонам, пытаясь выбраться на дорогу, у неё над головой вдруг раздался отрывистый лай. Алиса с испугом подняла взгляд.

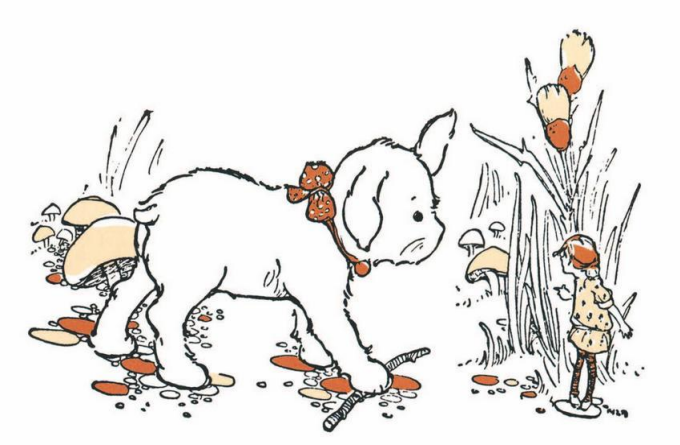
Сверху на неё смотрел огромный щенок и протягивал лапу, пытаясь её потрогать.

— Ах ты, мой миленький! — проговорила Алиса как можно ласковее и хотела было свистнуть, но в последний момент передумала, сообразив, что если собака голодна, то, пожалуй, может запросто съесть её, несмотря на все задабривания.

Алиса, не задумываясь зачем, подняла с земли палочку и протянула щенку. Тот взвизгнул от радости, подпрыгнул и с восторгом набросился на палочку.

Алиса, опасаясь, как бы огромный щенок не придавил её, спряталась за высокий чертополох, но когда отважилась выглянуть, то увидела, что щенок снова кинулся на палку, но не удержался на ногах и опрокинулся на спину. Алиса, отлично сознавая, что при теперешнем её росте играть со щенком всё равно что с лошадью, и опасаясь, что щенок может затоптать её лапами, снова укрылась за чертополохом. А пёс с громким лаем то кидался на палку, то отпрыгивал от неё. Наконец, умаявшись, он сел в отдалении и, высунув язык и тяжело дыша, полуприкрыл свои огромные

глаза.



Алиса решила воспользоваться удобным случаем и бросилась бежать со всех ног. И только когда совсем выбилась из сил, остановилась. Теперь лай собаки был едва слышен.

— А всё-таки миленький был этот щеночек! — сказала Алиса, прислонившись к цветку

и обмахиваясь листочком. — С удовольствием выучила бы его разным штукам, не будь я такой маленькой… Ах, совсем забыла, что мне нужно прежде всего вырасти! Но как? Наверное, нужно что-нибудь съесть или выпить. Только вот что?

Да, вопрос был важный, и Алиса стала внимательно рассматривать растения и цветы вокруг, но никак не могла решить, что же ей съесть или выпить, чтобы вырасти. И тут она увидела гриб величиной с неё. Осмотрев его со всех сторон, Алиса захотела взглянуть и на шляпку гриба, для чего встала на цыпочки и, к своему удивлению, увидела большую гусеницу, сидевшую на грибе со сложенными крошечными лапками, не обращая ни малейшего внимания ни на что вокруг.

Глава пятая
Совет Гусеницы

Алиса и Гусеница некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец Гусеница сонным голосом поинтересовалась:

— Кто ты такая?

Этот вопрос смутил Алису, и она робко проговорила:

— Не знаю. Знаю только, кем была, когда встала сегодня утром, но с тех пор я уже не раз изме-

нялась.

— Что ты хочешь этим сказать? — строго спросила Гусеница. — Объясни.

— Боюсь, не смогу это объяснить, потому что теперь я уже не я.

— Не понимаю, — сказала Гусеница.

— Очень жаль, но я, право же, не виновата, — проговорила Алиса. — Я и сама не понимаю. Когда становишься столько раз за день то больше, то меньше, это очень сбивает с толку.

— Нисколько, — сказала Гусеница.

— Скорее всего, с вами этого не происходило, — вежливо заметила Алиса. — Но вот когда станете куколкой, а потом бабочкой, то, я думаю, тоже почувствуете, как это странно.

— Нисколько, — упрямствовала Гусеница.

— Значит, вы не такая, как я. Мне же всё это кажется очень странным.

— Тебе? — презрительно фыркнула Гусеница. — А ты кто такая?

Ну и ну! Они снова вернулись к тому, с чего начали. Этот бессмысленный разговор начал злить Алису. Она выпрямилась во весь рост и строго сказала:

— Вам не кажется, что вы должны представиться первой?

— Вы так считаете? — Гусеница явно была не в духе, и Алиса сочла за лучшее уйти, но она крикнула: — Вернись! Мне нужно сказать тебе одну очень важную вещь.

Алисе стало любопытно.

— Никогда не следует выходить из себя, — менторским тоном произнесла Гусеница.

— И это всё? — Алиса рассердилась, но постаралась этого не показать.

— Нет.

Алисе всё равно нечего было делать, и она решила выслушать Гусеницу — вдруг скажет что-нибудь интересное.

Некоторое время она сидела молча и наконец заговорила:

— Так ты думаешь, что изменилась?

— Да, так мне кажется. Я не могу вспомнить то, что знала раньше, и чуть ли не каждые десять минут становлюсь то гигантом, то лилипутом.

— Что же ты, собственно говоря, не можешь вспомнить? — спросила Гусеница.

— Ну, например, стихи. Хотела прочитать наизусть одни, а получились совсем другие, — вздохнула Алиса.

— А про Стрекозу и Муравья знаешь?

Алиса кивнула, сложила руки и начала:

Стрекоза, в заботах вся,
Летом делает дела:
Тащит, знай, и то, и это

Про запас, что дарит лето.

Праздно время не проводит –
На труды все дни уходят.
Муравей же всякий раз
Веселиться лишь горазд.

Вот зима сменила лето.
Льдом и снегом всё одето.
И, продрогнув до костей,
Умоляет Муравей:

Ты пусти меня, сестрица,
Нам пора бы подружиться.
Поделись своим добром,
Вместе сытно заживём.

— Неверно! — перебила Алису Гусеница.

— Да, похоже, что-то тут неправильно, — согласилась она. — Словно всё перепуталось. И слова, кажется, были другие.

— Неверно с самого начала и до конца, — решительно повторила Гусеница.

Несколько минут они молчали.

— Какого же роста тебе хотелось бы быть? — наконец спросила Гусеница.

— Дело даже не в росте, — поспешила с ответом Алиса. — Неприятнее всего меняться так часто, понимаете?

— Не понимаю.

Алиса промолчала. До сих пор никто и никогда ей так не противоречил и не обрывал на каждом слове. Она почувствовала, что теряет терпение.

— А ты довольна своим теперешним ростом? — спросила Гусеница.

— Десять сантиметров — что же это за рост! Хотелось бы быть повыше.

— Это отличный рост! — с досадой проговорила Гусеница и, встав на гриб, выпрямилась — как раз такой она и была.

— Но я не привыкла быть такой крошечной! — жалобно проговорила бедная Алиса и подумала про себя: «Какие они все здесь обидчивые!»

— Прекрасный рост, — невозмутимо сказала Гусеница.

Алиса стояла и терпеливо ждала, когда ей снова вздумается заговорить.

Через несколько минут Гусеница зевнула пару раз, потянулась и, спустившись с гриба, поползла в траву, загадочно бросив на ходу:

— С одной стороны откусишь — вырастешь, с другой — станешь ещё меньше.

— С одной стороны чего? И где эта сторона? — крикнула ей вслед Алиса.

— У гриба, — пробормотала Гусеница и в следующий миг пропала из виду.

Алиса задумчиво оглядела гриб, стараясь сообразить, где какая сторона, что было вовсе не просто — шляпка-то круглая. Наконец, обхватив гриб обеими руками, она отломила каждой рукой по кусочку от шляпки.

— Ну, будь что будет! — решила Алиса и откусила немножко от кусочка, который был у неё в правой руке. В ту же минуту она почувствовала, как ударилась подбородком о собственные ноги.

Девочка ужасно испугалась. Нельзя было терять ни минуты — ведь ещё немного, и можно было исчезнуть без следа. Она поспешно поднесла ко рту кусочек, который держала в левой руке. Её подбородок так плотно прижимался к ногам, что она едва могла открыть рот. Наконец ей это всё-таки удалось, и она проглотила кусочек.

— Ура! Кажется, я расту! — с восторгом воскликнула Алиса, но радость её оказалась преждевременной: теперь куда-то пропали плечи. Когда она смотрела вниз, то видела только необыкновенно длинную шею, которая поднималась, как высокий стебель, над морем зелени, колышущейся внизу.

«Что это там внизу за зелёное море? — удивилась Алиса. — И куда девались мои плечи? А мои бедные руки — я совсем их не вижу!»

Она попыталась подвигать руками, но из этого ничего не вышло: только шелест раздался внизу.

Так как Алиса не могла поднять руки к голове, то попробовала опустить голову и с радостью обнаружила, что шея её может гнуться во все стороны, как змея. Алисе удалось изогнуть шею кольцами, и голова её стала опускаться на зелень, которую она видела сверху. Оказалось, что это вершины деревьев, под которыми она стояла, когда с ней случилось последнее чудесное превращение. Но вдруг раздался резкий свист, и Алиса испуганно вскинула голову. Голубка налетела на неё и сильно ударила клювом по лицу.

— Змея! — закричала Голубка. — Ах ты, змея!

— Я не змея, — возмутилась Алиса. — Оставьте меня в покое!

— А я говорю, что ты змея! — повторила Голубка, но уже не так уверенно и добавила, зарыдав: — Я всё перепробовала, но никакого толку!

— Я не понимаю, о чём вы говорите.

— Я пробовала деревья, речной песок, кусты… — твердила Голубка, не слушая Алису. — Но эти змеи! От них нет спасения!

Алиса с недоумением слушала её, но думала, что не стоит задавать вопросы, пока Голубка не закончит.

— Как будто мало хлопот с высиживанием яиц! — продолжала негодовать Голубка. — А тут ещё изволь день и ночь оберегать гнездо от змей! Вот уже три недели, как я не смыкаю глаз!

— Мне очень жаль, что у вас столько забот и тревог. — Алиса, кажется, начинала понимать, о чём речь.

— И вот теперь, когда я выбрала самое высокое дерево в лесу, — пронзительно прокричала Голубка, — и думала, что наконец избавилась от змей, они начинают спускаться с неба!

— Но я же говорю вам, что никакая я не змея. Я… я…

— А кто же ты?

— Я девочка, — ответила Алиса.

— Так я и поверю! — воскликнула Голубка. — Какая же ты девочка с такой-то шеей! Нет-нет, ты змея! И напрасно стараешься вывернуться! Пожалуй, станешь ещё уверять, что никогда не ела яйца!

— Ну почему, ела, конечно, — согласилась Алиса, поскольку была девочкой правдивой и не стала лгать. — Но ведь вы, наверное, знаете, что и девочки едят яйца?

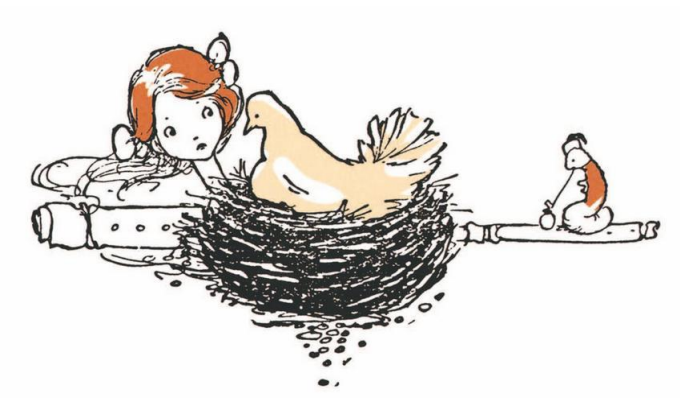
— Никогда не поверю! — воскликнула Голубка. — А если это и в самом деле так, значит, они

тоже змеи, только другой породы — вот и всё!

Такая мысль никогда не приходила в голову Алисе, и потому она на минуту замолчала. А Голубка воспользовалась этим и добавила:

— Я знаю одно — ты забралась сюда за яйцами. А девочка ты или змея, мне решительно всё равно.

— Ну а мне не всё равно. И никакие яйца мне не нужны. А если бы и были нужны, то уж во всяком случае — не ваши. Я вообще не люблю сырых яиц.



— Так уходи отсюда! — крикнула Голубка и снова уселась в своё гнездо.

Алиса, как могла, пробиралась между деревьями, стараясь наклонить пониже голову, но это ей плохо удавалось, потому что шея постоянно запутывалась в ветках и приходилось часто останавливаться.

Не сразу девочка вспомнила, что всё ещё держит в руках кусочки гриба, и начала осторожно, понемножку откусывать то от одного, то от другого. Она то становилась меньше, то больше, и, наконец, ей удалось стать такой, какой она была раньше — дома.

— Половина моего плана выполнена: я стала такого роста, как мне и хотелось! — воскликнула она. — Теперь нужно найти волшебный сад. Но как же его отыскать?

Только она успела это сказать, как лес кончился и Алиса вышла на поляну, где стоял маленький домик примерно с неё высотой.

«Кто бы тут ни жил, — подумала Алиса, — я не могу войти в дом вот так запросто, да к тому же такая большая; хозяева с ума сойдут от страха!»

И, спрятавшись за дерево, девочка начала откусывать понемногу от того кусочка гриба, который держала в правой руке, пока не стала достаточно

маленькой.

Глава шестая
Поросёнок и перец

Алиса стояла за деревом и раздумывала, что делать дальше, как вдруг из леса показался лакей, подбежал к домику и громко постучал в дверь. Девочка приняла существо за лакея из-за ливреи — иначе она подумала бы, что это рыба.

Ему открыл другой лакей, тоже в ливрее, с круглым лицом и выпученными, как у лягушки, глазами. Оба лакея были в напудренных париках с бу́клями.

Алиса от любопытства выглянула из-за дерева

и стала прислушиваться.

Лакей Рыба извлёк из-под мышки огромный, размером с него самого, конверт и, протянув его лакею Лягушке, торжественно проговорил:

— Герцогине от Королевы приглашение на крокет.

Лакей Лягушка торжественно повторил его слова, немного изменив их порядок:

— От Королевы Герцогине приглашение на крокет.

Потом лакеи так низко поклонились друг другу, что чуть не стукнулись головами.

Алисе всё это показалось до того забавным, что она не могла удержаться от смеха и убежала подальше в лес, чтобы они не услышали, как она смеётся. А когда Алиса вернулась, лакей Рыба уже ушёл, а лакей Лягушка сидел на земле около двери и с самым глупым видом смотрел на небо.

Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать совершенно бессмысленно, — заявил лакей, — по двум причинам: во-первых, мы оба находимся по одну сторону двери; во-вторых, там внутри такой шум, что тебя всё равно не услышат.

И в самом деле, в домике что-то происходило: оттуда неслись пронзительные крики, кто-то

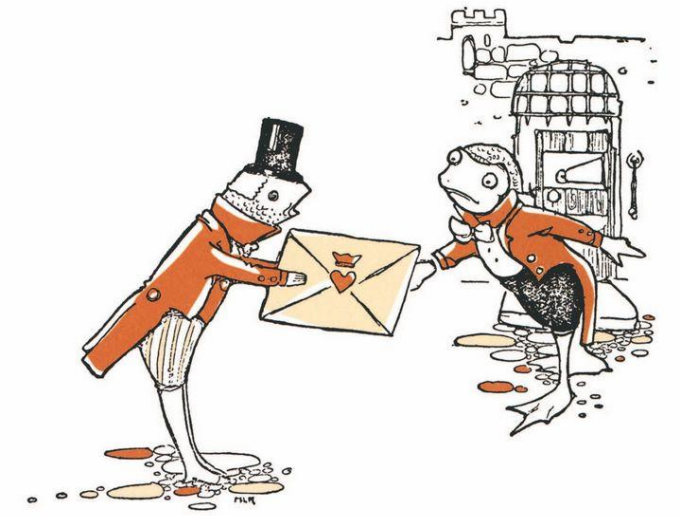
чихал не переставая, а время от времени раздавались треск и звон, как будто били посуду.

— Скажите, пожалуйста, а как же мне войти? — спросила Алиса.

— Был бы смысл стучаться, — твердил своё лакей, не слушая её, — если бы нас разделяла дверь. Так, например, находись ты внутри, могла бы постучаться, и я отворил бы дверь и впустил тебя.

Продолжая разглагольствовать в том же духе, он всё время смотрел на небо, что показалось Алисе очень невежливым.

«Ему следовало бы смотреть на меня, раз он говорит со мной. Впрочем, — подумала она, — похоже, он не может не смотреть на небо, ведь у него глаза чуть ли не на макушке. Но отвечать на вопросы он, во всяком случае, может».



— И всё-таки, как войти в дом? — повторила свой вопрос Алиса.

— Я, пожалуй, посижу здесь, — задумчиво проговорил лакей, — до завтра.

Дверь в это время распахнулась, и из дома выле-

тела тарелка. Задев лакея по носу и ударившись о дерево, она разлетелась вдребезги.

— А может быть, и до послезавтра, — продолжал лакей невозмутимо, словно ничего не случилось.

— Могу я всё-таки войти в дом? — настаивала Алиса, едва сдерживаясь, чтобы не кричать.

— Необходимо выяснить, нужно ли тебе вообще входить в этот дом, — сказал лакей.

Лакей был совершенно прав, но Алисе не нравилось, когда с ней так нелюбезно говорят.

«Как они все любят спорить! — подумала она. — От одного этого можно с ума сойти».

Так как Алиса молчала, лакей поспешил воспользоваться удобным случаем и начал снова:

— Я буду сидеть здесь целыми днями.

— Но что же делать мне?

— Делай что хочешь, — ответил лакей и, не обращая больше внимания на Алису, начал что-то насвистывать.

«Без толку говорить с ним, — с отчаянием подумала девочка. — Он просто-напросто идиот».

И она, не постучавшись, распахнула дверь и вошла в большую, полную дыма, кухню.

Герцогиня сидела посредине на трёхногой табуретке и качала ребёнка.

Кухарка, нагнувшись над плитой, помешивала

суп в большой кастрюле.

«Она положила в суп слишком много перцу», — подумала Алиса, беспрерывно чихая.

Перец был не только в супе, но и в воздухе. Даже Герцогиня чихала не переставая, а ребёнок у неё на руках то чихал, то пронзительно вопил. Не чихали только Кухарка да большой кот, который сидел у плиты и улыбался во весь рот.

— Скажите, пожалуйста, — начала Алиса нерешительно, так как не знала, вежливо ли заговорить первой, — почему ваш кот улыбается?

— Это Чеширский Кот, ему лестно быть в нашем обществе, — ответила Герцогиня. — Вот почему он улыбается, поросёнок!

Она произнесла последнее слово с такой яростью, что Алиса вздрогнула. Впрочем, она быстро поняла, что Герцогиня назвала поросёнком не её, а младенца.

— Я никогда не слышала, что Чеширские Коты улыбаются, — заметила Алиса, немного приободрившись. — Да и вообще не знала, что коты могут улыбаться.

— Ещё как могут! — ответила Герцогиня. — А многие не только могут, но и улыбаются.

— Это для меня новость, — оживилась девочка, радуясь, что наконец-то с ней разговаривают.

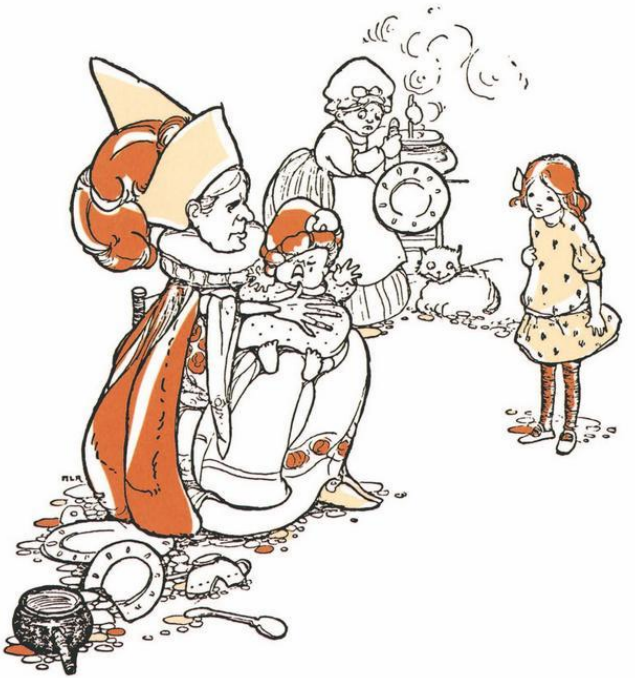
— Как я погляжу, ты мало что знаешь, — заявила Герцогиня уверенно. — В этом всё дело.

Алисе не понравился тон, каким дама сделала своё замечание, и ей захотелось сменить тему. А пока она пыталась придумать, что бы такое сказать, Кухарка сняла с огня кастрюлю и принялась швырять чем попало в Герцогиню и ребёнка.

Сначала полетели кочерга, совок и каминные щипцы, а потом настала очередь посуды — тарелок, блюд, соусников. Герцогиня не обращала на это ни малейшего внимания, даже если что-нибудь попадало в неё, а ребёнок и без того так вопил, что было трудно понять, отчего он плачет: то ли от боли, когда в него попадают разные предметы, то ли просто так, безо всякой причины.

— Что вы делаете! — воскликнула Алиса в ужасе. — Господи, это блюдо разобьёт малютке носик!

Огромнейшее блюдо пролетело мимо, едва не задев ребёнка.



— Если бы каждый занимался своим делом, — сердито проворчала Герцогиня, — то Земля завертелась бы гораздо быстрее.

— Но что же в этом хорошего? — возразила Алиса, довольная случаем выказать свои познания. — Земля за двадцать четыре часа обращается вокруг своей оси. Только подумайте, что будет, если она станет вращаться быстрее, — ведь ничего же не успеешь! Открытие, которое сделали учёные…

— Топор! — закричала Герцогиня. — Отрубить ей голову!

Алиса с тревогой взглянула на Кухарку: неужели исполнит приказание? — но та невозмутимо занималась супом, не обращая на остальных никакого внимания. Приободрившись, Алиса решилась попытаться ещё раз.

— За двадцать четыре часа — кажется, так? Или за двенадцать?

— Хватит надоедать! — воскликнула Герцогиня. — Ненавижу цифры и терпеть не могу считать!

И она принялась укачивать ребёнка и напевать что-то вроде колыбельной песенки, сильно встряхивая его после каждой строчки:

С мальчишкой строгой надо быть

И бить, когда чихает.

Покоя нету от него,

Он всех нас доконает.

Герцогиня, Кухарка и ребёнок хором подхватили:

Уа! Уа! Уа! Уа!

Перейдя ко второму куплету, Герцогиня стала высоко подбрасывать младенца, и он заревел так отчаянно, что Алиса едва могла разобрать слова:

Строга я с малым, коль криклив,

И бью, когда чихает.

Мы с перцем острым варим суп,

А он пусть привыкает.

И снова хор:

Уа! Уа! Уа! Уа!

— Можешь понянчить его, если хочешь! — крикнула, кончив петь, Герцогиня и швырнула ребёнка Алисе. — Мне пора идти играть в крокет с Королевой.

И она выбежала из кухни. Кухарка бросила ей вдогонку сковородку, но промахнулась.

Алиса едва успела поймать младенца. Но удер-

жать его на руках было непросто. Странный это был ребёнок — всё время раскидывал в стороны руки и ноги.

«Прямо морская звезда», — подумала Алиса.

Ребёнок пыхтел как паровозик и ни секунды не сидел спокойно: то сгибался чуть ли не вдвое, то вдруг выгибался и едва не вываливался у Алисы из рук.

Наконец ей удалось ухватить его поудобнее, но для того, чтобы он сидел смирно и не мог упасть, Алисе пришлось завязать малютку в узел и крепко держать за правое ухо и левую ногу, чтобы не развязался. Тогда только она решила вынести непоседу на улицу.

«Если оставить малыша с этими сумасшедшими, то они, чего доброго, прибьют его…»

Видимо, Алиса свою мысль высказала вслух, потому что ребёнок хрюкнул в ответ.

— Не хрюкай, — сказала ему Алиса. — Это неприлично.

Но малыш снова хрюкнул, и она с тревогой взглянула на него, пытаясь понять, что с ним такое.

FANNIE LUCY ATTWELL

У него было какое-то странное лицо: нос похож на поросячий пятачок, глазки — совсем крохотные. В общем, страшненький какой-то.

«Может, он вовсе не хрюкал, а хныкал?» — подумала Алиса и снова взглянула на него.

Но нет, никаких слёз на глазах не было.

— Если ты решил превратиться в поросёнка, мой милый, то я не стану с тобой возиться. Понимаешь?

Малыш снова то ли захрюкал, то ли захныкал — трудно было понять, что за звуки он издаёт, — и Алиса решила не обращать на него внимания.

«Мне что, и домой с ним возвращаться?» — думала она.

Снова раздалось хрюканье, а за ним и повизгивание. Всмотревшись в младенца повнимательнее, Алиса вдруг совершенно ясно увидела, что никакой это не ребёнок, а самый настоящий поросёнок. С какой же стати ей с ним возиться!

Она опустила поросёнка на землю, и он весело затрусил в лес.

— Как ребёнок он был такой несимпатичный, — сказала Алиса, — но из него вышел очень хорошенький поросёночек.

И она стала вспоминать своих знакомых детей, из которых тоже могли бы выйти хорошенькие

поросята.

— Если бы я только знала, как превращать их… — вслух сказала она, как вдруг увидала Чеширского Кота, сидевшего на ветке.

Кот улыбнулся, когда Алиса подошла к нему, и добродушно посмотрел на неё. Но расслабляться не стоило — у Кота длинные когти и острые зубы, поэтому с ним, конечно, следовало обращаться почтительно.

— Чеширская Кисонька, — начала Алиса нере-

шительно, ведь неизвестно, понравится ли Коту такое обращение.

Но тот продолжал улыбаться, и Алиса, успокоившись, спросила:

— Не знаете ли вы, как мне выйти отсюда?

— Это зависит от того, куда ты хочешь попасть, — ответил Кот.

— Мне, в общем-то, всё равно... — начала Алиса.

— Значит, тебе всё равно, в какую сторону идти, — перебил её Кот.

— Лишь бы куда-нибудь прийти, — договорила Алиса.

— Ну уж куда-нибудь наверняка придёшь, — сказал Кот, — если походишь подольше.

Возразить на это было нечего, и Алиса решила порасспрашивать Кота:

— А кто живёт тут поблизости?

— В этой стороне, — взмахнул правой лапкой Кот, — живёт Шляпник, а в этой, — взмахнул левой, — живёт Мартовский Заяц. Можешь заглянуть к ним, если хочешь. Они оба сумасшедшие.

— Но я не хочу к сумасшедшим, — испугалась Алиса.

— Тут уж ничего не поделаешь. Мы все здесь сумасшедшие. Я сумасшедший, да и ты сама — тоже.

— Почему вы думаете, что я сумасшедшая?

— Потому что иначе ты не пришла бы сюда.

По мнению Алисы, это было неубедительно, но она не стала возражать.

— А откуда вам известно, что вы сумасшедший?

— Вот скажи мне: собака — существо нормальное? — спросил Кот.

— Да, по-моему, вполне нормальное, — согласилась Алиса.

— Хорошо. Известно, что собака ворчит, когда сердится, и машет хвостом, если довольна. А я ворчу, когда доволен, и виляю хвостом, когда злюсь. Значит, я ненормальный, то есть сума-

сшедший.

— Вы мурлычете, а не ворчите, — заметила Алиса.

— Можешь называть это как угодно… Ты будешь сегодня играть в крокет с Королевой?

— Очень хотелось бы, конечно, но меня не приглашали.

— Я скоро вернусь, — вдруг сказал Кот и мгновенно исчез.

Алиса этому не особенно удивилась, поскольку уже привыкла ко всяким чудесам.

Пока она смотрела на то место, где только что сидел Кот, тот вдруг снова появился:

— А кстати: что стало с ребёнком? Совсем забыл спросить тебя об этом.

— Он превратился в поросёнка, — ответила Алиса так, словно в этом не было ничего особенного.

— Я так и знал. — И Кот снова исчез.

Алиса подождала немного, думая, что он вот-вот появится, но его всё не было, и она пошла в ту сторону, где, по словам Кота, жил Мартовский Заяц.

«Шляпников я видела и раньше, — рассуждала она, — а вот посмотреть на сумасшедшего Зайца действительно интересно. И потом, сейчас май: возможно, в это время он не такой безумный, как в марте».

Алиса подняла глаза и увидела, что Кот снова

сидит на дереве.

— Как ты сказала? — услышала она. — В поросёнка или в слонёнка?

— Я сказала «в поросёнка». Как неудобно, что вы всегда появляетесь и исчезаете неожиданно! От этого прямо голова идёт кругом.

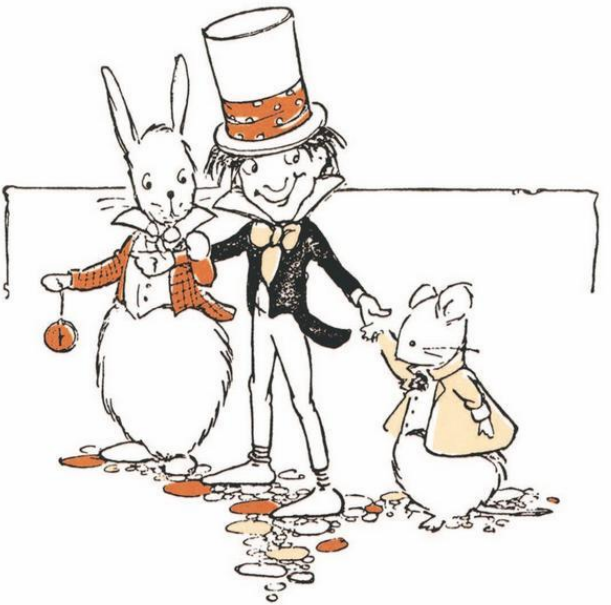
— Неужели? — И на этот раз Кот стал исчезать очень медленно, начиная с кончика хвоста. И вот сам Кот уже исчез, а улыбка его осталась. Потом исчезла и она.

«Никогда не видела улыбающихся котов, — подумала Алиса. — Но улыбка без кота! Это невероятно».

Взглянув ещё раз на дерево, где только что сидел Кот, она отправилась в путь.

Вскоре Алиса увидела дом Мартовского Зайца. На крыше, покрытой мехом, торчали трубы, похожие на заячьи уши. Дом был такой большой, что Алиса, прежде чем подойти к нему, откусила немножко от гриба, частичку которого держала в левой руке, и стала выше ростом. Но и после этого подходить к дому было страшновато: «А вдруг Заяц начнёт беситься и буйствовать! Уж лучше бы я пошла к Шляпнику».

Глава седьмая
Безумное чаепитие



Перед домом под деревом Мартовский Заяц и

Шляпник сидели за столом и пили чай. Сурок, пристроившись между ними, похоже, заснул, и его приятели, облокотившись на него, как ни в чём не бывало вели беседу.

«Хорошо, что Сурок крепко спит и ничего не замечает», — подумала Алиса.

Хотя стол был большой, Мартовский Заяц, Шляпник и Сурок теснились с одного края.

— Места нет! Места нет! — закричали в один голос Заяц и Шляпник, заметив Алису.

— Как же нет? Здесь места предостаточно, — возмутилась Алиса и села в кресло, стоявшее с другого края стола.

— Хочешь печенья? — любезно спросил Мартовский Заяц.

Алиса, взглянув на стол и ничего, кроме чая, не обнаружив, заметила:

— Но я не вижу здесь никакого печенья.

— А его и нет, — согласился Мартовский Заяц.

— В таком случае очень невежливо с вашей стороны предлагать печенье, которого нет, — обиделась Алиса.

— А с твоей стороны очень невежливо садиться за стол без приглашения, — заметил Заяц.

— Но стол такой большой, и я подумала, что он накрыт не только для вас троих.

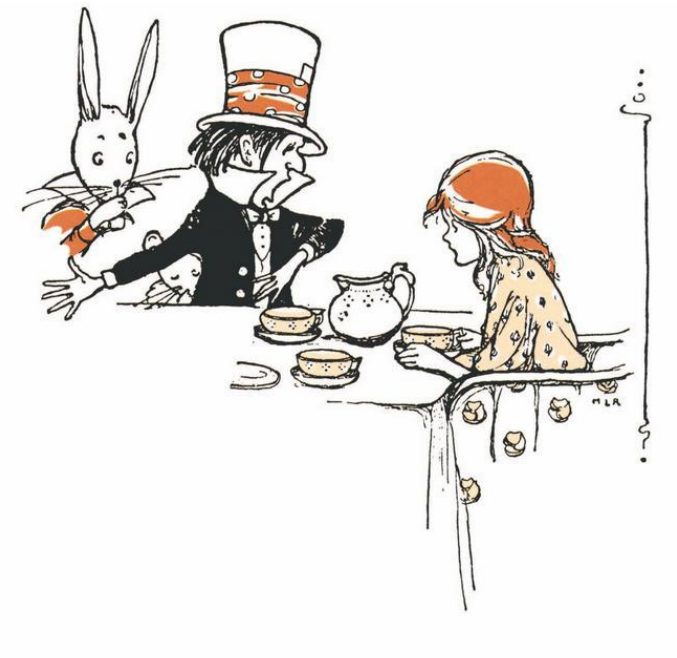
— Знаешь что? — вдруг подал голос Шляпник. — Тебе надо бы подстричься. Уж очень у тебя длинные волосы.

Прежде чем сказать это, он с большим любопытством рассматривал гостью.

— Очень невоспитанно делать замечания незнакомым людям, — строго сказала Алиса. — Неужели вы не знаете этого?

Шляпник с удивлением уставился на неё, а потом спросил:

— Чем ворон похож на письменный стол?



«Ну, теперь, кажется, будет повеселее! — подумала Алиса. — Здо́рово, что он вспомнил про

загадки!»

— Что ж, попробую отгадать.

— Ты уверена? — засомневался Мартовский Заяц.

— Да. То есть я думаю, что отгадаю, если попробую. Это ведь одно и то же.

— Совсем не одно и то же! — воскликнул Шляпник. — Вот, например, я могу сказать: «Я вижу всё, что ем», — или: «Я ем всё, что вижу». Разве это одно и то же?

— Конечно нет, — добавил Мартовский Заяц. — Ещё пример: «Мне нравится всё, что я имею» или «Я имею всё, что мне нравится». Это далеко не одно и то же.

— Конечно, не одно и то же, — проговорил будто во сне Сурок. — Это как «Я дышу, когда сплю» и «Я сплю, когда дышу».

— Для тебя это как раз всё равно, — сказал Шляпник.

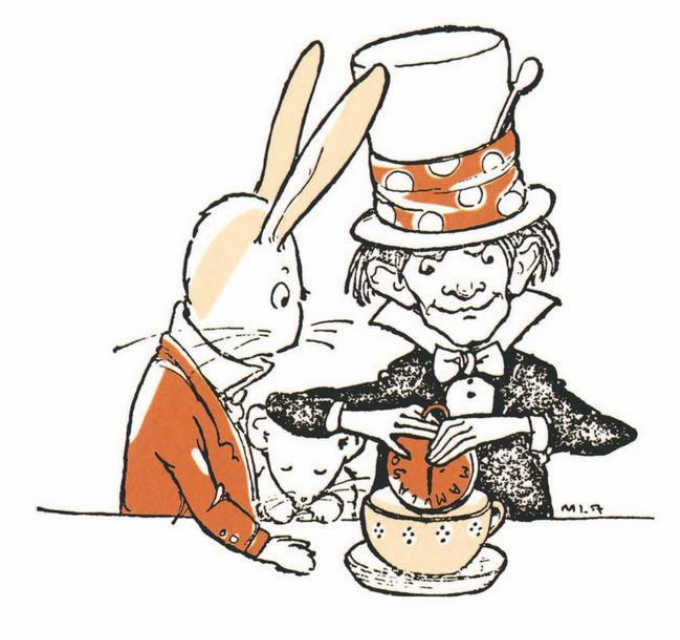
Аргументы были исчерпаны, а Алиса пыталась сообразить, чем же ворон похож на письменный стол.

Шляпник первым прервал молчание.

— Какое у нас сегодня число? — обратился он к Алисе и, вынув из кармана часы, стал озабоченно то и дело встряхивать и подносить к уху.

— Четвёртое, — ответила Алиса.

— Врут, отстали на два дня, — со вздохом сказал Шляпник и с досадой прибавил, обернувшись к Зайцу: — Я говорил тебе, что сливочное масло не годится для часов.



— Это превосходное масло! — возразил тот.

— В него могли попасть крошки, — проворчал Шляпник. — Не следовало брать масло хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы, с грустью посмотрел на них и опустил в свою чашку.

— Да, масло было превосходное, — повторил он, вынув часы из чашки.

Алиса, заглядывая ему через плечо, с любопытством рассматривала их.

— Какие странные часы! Они показывают только число, а время — нет.

— А разве надо? — пробормотал Шляпник. — Разве твои часы показывают, какой теперь год?

— Конечно нет. Да и незачем: тогда весь год стрелки стояли бы на одних и тех же цифрах.

— Вот то же самое с моими часами, — вздохнул Шляпник.

Алису очень удивили его слова, поскольку, как ей казалось, в них не было никакого смысла.

— Я не совсем понимаю вас, — сказала она как можно вежливее.

— А Сурок опять заснул! — воскликнул, ничего не ответив Алисе, Шляпник и плеснул горячим чаем на нос Сурку.

Тот недовольно мотнул головой и проговорил,

не открывая глаз:

— Конечно, конечно, я именно это и хотел сказать.

— Ну что, отгадала ты загадку? — повернулся к Алисе Шляпник.

— Нет, сдаюсь, — пожала плечами Алиса. — А какая разгадка?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал Шляпник.

— И я не знаю, — признался Мартовский Заяц.

Алиса, вздохнув, заметила:

— Какой смысл загадывать загадку, у которой нет отгадки? Только даром время терять.

— Если бы ты знала Время, как знаю его я, — воскликнул Шляпник, — то не говорила бы так! Ты вообще когда-нибудь разговаривала с ним?

— Конечно нет. Я даже не понимаю, что вы имеете в виду.

— Ну ещё бы тебе понять! Так знай же: когда ты в хороших отношениях со Временем, то оно делает для тебя всё, что пожелаешь. Положим, пробило девять часов — начало уроков. Но стоит тебе только шепнуть Времени, что учиться не хочешь, и стрелки побежали бы быстрее. Раз — и половина второго, пора обедать!

— Вот бы это случилось сейчас! — пробормотал

себе под нос Мартовский Заяц.

— Конечно, это было бы чудесно, — задумчиво проговорила Алиса, — но ведь тогда я и проголодаться не успею к обеду.

— Сначала конечно. Но ведь стрелки могли бы стоять на половине второго сколько угодно.

— Значит, вы именно так и делаете? — спросила Алиса.

— Теперь нет, — сокрушённо покачал головой Шляпник. — Я поссорился со Временем в марте, когда вот этот, — показал он на Мартовского Зайца, — помешался. У Королевы был званый вечер, и я там пел:

Чижик-пыжик, где ты был?
На лугу гусей давил!

— Вы, может быть, знаете эту песенку?

— Что-то похожее слышала.

— Дальше поётся так:

Гуся сцапал, сцапал двух,
Общипал перо и пух…

Тут Сурок встрепенулся и пропел сквозь сон «пух, пух, пух», без конца повторяя это слово, так что пришлось его ущипнуть, чтобы заставить умолкнуть.

— Ну так вот: только я закончил первый куплет, как Королева крикнула: «Он отнимает у нас время! Отрубить ему голову!»

— Как несправедливо и жестоко! — воскликнула Алиса.

— С тех пор Время обиделось на меня, — мрачно проговорил Шляпник, — и больше не исполняет ни одной моей просьбы. У нас теперь всегда пять часов.

— Так вот почему у вас стол накрыт к чаю?

— Именно поэтому, — горестно вздохнул Шляпник. — Ведь ты знаешь, что в это время все пьют чай. Увы, мы даже не успеваем мыть посуду — у нас вечное чаепитие — и просто пересаживаемся на другое место: раз не ты пил из этой чашки, она считается чистой.

— Значит, вот так и сидите и пьёте чашку за чашкой? — изумилась Алиса.

— Да, так и пересаживаемся: от одной чашки к другой.

— Но ведь из всех чашек уже пили, а чистых нет?

— Давай-ка лучше сменим тему. — Мартовский Заяц зевнул и обратился к Алисе: — Расскажи нам какую-нибудь историю.

— Я не знаю интересных историй, — смутилась

Алиса этим неожиданным предложением.

— Тогда пусть рассказывает Сурок! — воскликнули в один голос Шляпник и Мартовский Заяц и начали щипать соню, пытаясь разбудить.

— Я не спал, — проговорил Сурок хриплым со сна голосом, открывая глаза. — И слышал всё, о чём здесь говорилось, друзья мои!

— Расскажи нам что-нибудь, — попросил Мартовский Заяц.

— Да, пожалуйста, расскажите, — поддержала его Алиса.

— И поскорее начинай, — прибавил Шляпник, — пока снова не уснул.

— Давным-давно, в стародавние времена, — начал Сурок, — жили-были три маленькие сестрицы: Элси, Лесси и Тилли. А жили они на дне колодца…

— Что же они там ели? — спросила Алиса, которую всегда интересовала тема еды.

— Они ели… только одну патоку, — подумав, ответил Сурок.

— Но этого не может быть! — усомнилась Алиса. — Они заболели бы.

— Это и произошло, — подтвердил Сурок. — Они были очень-очень больны.

Алиса старалась представить себе, как это мож-

но существовать на дне колодца, питаясь одной патокой.

Всё это показалось ей очень странным, и она вновь спросила:

— Скажите, а почему они жили на дне колодца?

— Не хочешь ли выпить ещё чашечку чаю? — решил остановить расспросы Мартовский Заяц.

— А я вообще не пила чай, так что никак не могу выпить ещё. — Но чтобы выйти из затруднительного положения, она налила себе чаю, намазала кусок хлеба маслом и повторила: — Так почему же они жили на дне колодца?

— Потому что он был паточный, — ответил, немного подумав, Сурок.

— Таких колодцев не бывает! — с досадой воскликнула Алиса.

— Тсс-с! — зашипел Заяц, а Сурок обиженно проговорил:

— Если ты не умеешь вести себя в обществе, то сама и досказывай эту историю.

— Нет, пожалуйста, продолжайте. Я больше не буду вас перебивать.

— Эти три маленькие сестрицы, — продолжил свой рассказ Сурок, — учились… учились рисовать.

— Что же они рисовали? — не удержалась Алиса, забыв о своём обещании не перебивать.

— Патоку, конечно, — ответил Сурок, на этот раз ни на минуту не задумавшись.

— Мне нужна другая чашка, — заявил Шляпник. — Давайте пересядем.

Он вышел из-за стола, Сурок последовал за ним, Мартовский Заяц сел на его место, а Алиса очень неохотно заняла место Мартовского Зайца. От всех этих действий выиграл только Шляпник, оказавшийся теперь в кресле. А Алиса оказалась в худшем положении, потому что Мартовский Заяц пролил молоко на своё блюдце, которое теперь досталось Алисе.

— Я только не понимаю, — осторожно начала Алиса, не желая обидеть Сурка, — откуда они брали патоку?

— Ведь можно же брать из колодца воду, — ответил ей Шляпник. — Почему же нельзя патоку?

— Но ведь они жили в самом паточном колодце, на дне! — никак не могла уразуметь Алиса.

— Да, — тупо ответил Сурок, — на дне.

Этот ответ поверг Алису в недоумение, и она решила просто слушать, не перебивая.

— Они учились рисовать, — продолжал между тем Сурок, зевая и протирая глаза, потому что

ему ужасно хотелось спать. — Причём изображали только предметы, которые начинаются с буквы «эм».

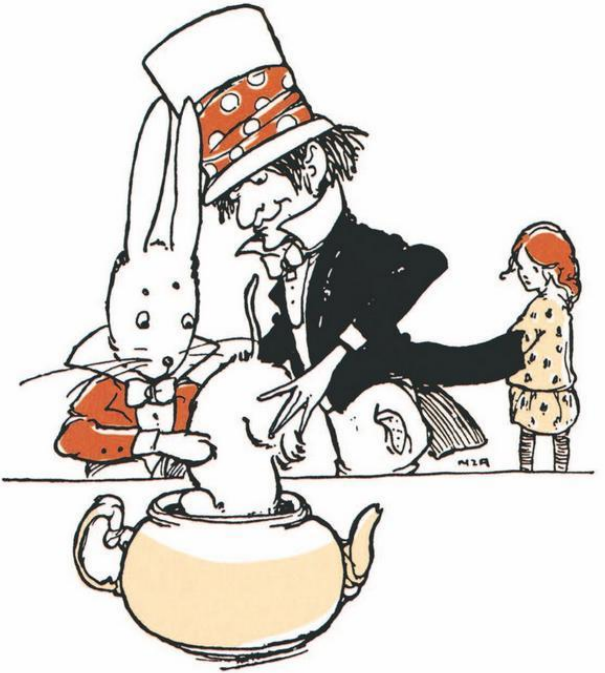
— Почему же с «эм»? — опять вмешалась Алиса.

— А почему бы нет? — невозмутимо заявил Мартовский Заяц.

Алиса лишь прикусила губу от негодования.

Между тем Сурок воспользовался паузой и, закрыв глаза, задремал. Шляпник, ничего не заметив, ждал продолжения рассказа, но Сурок крепко спал. Тогда Шляпник снова больно ущипнул его, чтобы разбудить. Соня вскрикнул и, проснувшись, продолжил рассказ:

— …которые начинаются с буквы «эм» — например: «мышь», «мост», «маяк», «мыло», «множество»… Ты когда-нибудь видела, как рисуют множество?



— Если вы спрашиваете меня, — неуверенно проговорила Алиса, — то я не думаю…

— А если не думаешь, так молчи! — перебил её Шляпник.

Его грубость окончательно вывела Алису из себя, и она, вскочив с места, пошла прочь. Сурок тотчас же снова заснул, а остальные не обратили никакого внимания на уход гостьи, хотя она и несколько раз оглядывалась в надежде, что её позовут. Когда она оглянулась в последний раз, Шляпник и Мартовский Заяц старательно запихивали Сурка в чайник.

— Никогда моей ноги здесь не будет! — повторяла Алиса обиженно, пробираясь по лесу. — Ничего глупее этого чаепития в жизни не видела…

Только она успела это сказать, как увидела дерево, в стволе которого имелась дверь.

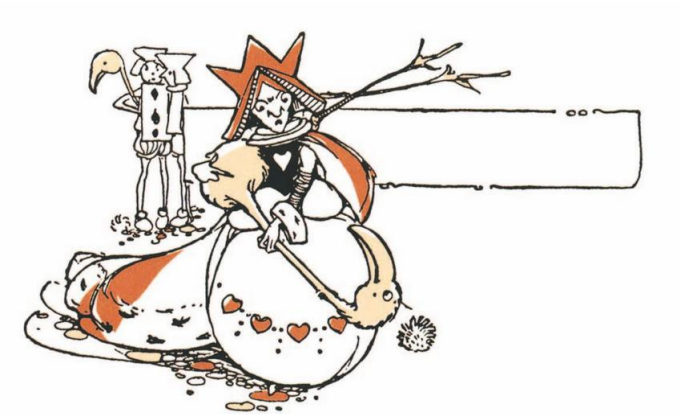
«Как странно! — подумала Алиса. — Никогда не видела деревьев с дверями. Интересно, а что там, за дверью?»

Она толкнула дверцу и очутилась в знакомом длинном зале со стеклянным столиком.

— Уж на этот раз я постараюсь ничего не забыть. — Алиса взяла со столика золотой ключик, отперла маленькую дверку и начала откусывать понемножку от частички гриба, который был

спрятан у неё в кармане, пока не стала такого роста, что смогла войти в низенькую дверь. Наконец-то она оказалась в чудном саду с фонтанами и клумбами ярких цветов!

Глава восьмая
Крокет у Королевы



У самого входа в сад рос большой розовый куст. На нём распустились белые розы, но три садовника весьма странного вида — плоские и прямоугольные — торопливо перекрашивали их в красные. Удивлённая Алиса подошла поближе.

— Будь осторожнее, Пятёрка! — проворчал один садовник. — Ты брызгаешь на меня краской.

— Я не виноват, Двойка, — ответил Пятёрка. —

Семёрка толкает меня под локоть.

— Ну ты и молодец! — поднял голову Семёрка. — Всегда всё валишь с больной головы на здоровую.

— А голову ты бы лучше не поминал! — воскликнул Пятёрка. — Я слышал, как вчера Королева сказала, что тебе надо отрубить голову.

— А за что? — полюбопытствовал Двойка.

— Не твоё это дело, — ответил Семёрка.

— Нет, это его дело, — возразил Пятёрка, — и я скажу ему. За то, что он принёс повару луковицы тюльпанов вместо лука.

Семёрка в сердцах бросил кисть.

— Ну, знаешь, после такой несправедливости… — начал он, но сразу смолк, увидев Алису.

Двойка и Пятёрка оглянулись, а потом все трое низко поклонились ей.

— Скажите, пожалуйста, — вежливо начала Алиса, — зачем вы перекрашиваете эти чудесные розы?

Пятёрка и Семёрка молча взглянули на Двойку.

— Видите ли, — еле слышно проговорил Двойка, — здесь надо было посадить куст красных роз, а мы по ошибке посадили белые. Если Королева узнает, то велит отрубить нам головы. Вот мы и

спешим перекрасить их, прежде чем...

— Королева! Королева! — воскликнул Пятёрка, который всё время с тревогой озирался по сторонам.

И садовники тотчас пали ниц. Послышался топот множества ног, и Алиса обернулась, сгорая от любопытства: ей очень хотелось увидеть Королеву.

Впереди вышагивали десять солдат с копьями. Солдаты были такие же плоские и прямоугольные, как садовники, руки и ноги росли у них по углам. За ними шествовали попарно десять придворных, богато разодетых и увешанных бриллиантами. Потом следовали королевские дети в костюмчиках, расшитых сердечками. Их тоже было десять. Они весело бежали, взявшись за руки и подпрыгивая. За ними проследовали гости, один важнее другого. Белый Кролик тоже был тут: торопливо и возбуждённо что-то говорил, улыбался направо и налево, — но, проходя мимо, не заметил Алису. Далее шествовал Червонный Валет с алой бархатной подушкой в руках, на которой лежала корона Короля. Замыкали эту блестящую процессию Король и Королева Червей.

Алиса не знала, нужно ли ей, следуя примеру садовников, пасть ниц.

«Нет, пожалуй, не нужно, — решила она. — Зачем тогда устраивать процессии, если все кругом падали бы ниц. Ведь тогда никто ничего и уви-

деть бы не смог».

И Алиса осталась стоять. Когда венценосная чета поравнялась с ней, все остановились, и Королева, повернувшись к Червонному Валету, строго спросила:

— Кто это?

Валет ничего не ответил, а только поклонился и улыбнулся.

— Глупец! — бросила Королева, сердито тряхнув головой, и обратилась к Алисе: — Как тебя зовут?

— Алиса, ваше величество, — почтительно ответила Алиса и подумала: «Да ведь это просто колода карт, нечего их бояться!»

— А это кто такие? — спросила Королева, указав на садовников, лежавших ничком под кустом роз, уткнувшись лицами в землю. А поскольку спины у них такие же, как и у всех других карт, то Королева не могла знать, солдаты перед ней или садовники, придворные или её собственные дети.

— Откуда мне знать? — ответила Алиса, сама удивляясь своей смелости. — Это не моё дело.

Королева вспыхнула от гнева и, злобно взглянув на Алису, крикнула:

— Отрубить ей голову! Отру…

— Что за вздор! — воскликнула Алиса.

Королева примолкла.

— Опомнись, моя дорогая, — робко проговорил Король, коснувшись руки Королевы. — Ведь это ребёнок!

Королева бросила на него гневный взгляд и приказала Валету:

— Перевернуть их!

Валет осторожно перевернул садовников ногой.

— Встать! — пронзительно крикнула Королева.

И садовники, вскочив, стали отвешивать низкие поклоны Королю, Королеве, королевским детям и всем вокруг.

— Хватит! — взвизгнула Королева. — У меня от ваших поклонов кружится голова! Что вы здесь делали? — показала она на розовый куст.

— Осмелюсь доложить вашему величеству, — пролепетал Двойка, опустившись на колени, — мы старались.

— Понятно! — воскликнула Королева, внимательно разглядывавшая розы, пока он говорил. — Отрубить им головы!

Вся процессия двинулась дальше, а три солдата остались, чтобы привести приговор в исполнение. Несчастные садовники бросились к Алисе,

умоляя защитить их.

— Не бойтесь, никто вас не тронет! — Алиса с лёгкостью подняла всех троих и спрятала в большой цветочный горшок, стоявший поблизости.

Солдаты поискали осуждённых и, никого не обнаружив, ушли.

— Ну что, отрубили им головы? — крикнула Королева солдатам.

— Отрубили, ваше величество! — дружно ответили те.

— Отлично! — гаркнула Королева. — А в крокет вы умеете играть?

Так как солдаты не отвечали, уставившись на Алису, она поняла, что вопрос Королевы, очевидно, относился к ней.

— Умею! — что было сил крикнула Алиса под стать Королеве.

— Так пойдём с нами! — взвизгнула Королева, и Алиса присоединилась к процессии, пытаясь представить себе, что же будет дальше.

— Какой сегодня дивный день! — едва слышно проговорил кто-то за спиной Алисы.

Она оглянулась и увидела Белого Кролика, с тревогой смотревшего на неё.

— Вы правы. А где же Герцогиня?

— Тсс! — Кролик поднялся на цыпочки и шепнул Алисе на ухо: — Она приговорена к смерти!

— Вот оно что!

— А что? Вам её жалко? — спросил Кролик испуганно.

— Ничуть! Совсем мне её не жалко: я только хотела бы знать, за что.

— Она врезала Королеве по уху... — начал Кролик.

Алиса, услышав это, не могла удержаться от смеха.

— Тише! Тише! — умоляюще зашептал Кролик. — Королева услышит! Дело в том, что Герцогиня опоздала, и Королева сказала ей...

— По местам! — громовым голосом рявкнула Королева, и все бросились врассыпную, налетая друг на друга и падая.

Наконец неразбериха улеглась, все заняли свои места, и игра началась.

Никогда ещё не доводилось Алисе видеть такую странную игру. Крокетная площадка была

изрыта, как вспаханное поле, вместо шаров были живые ежи, вместо молоточков — птицы фламинго, а вместо ворот стояли солдаты, согнувшись вдвое и упершись руками в землю.

Поначалу Алисе было трудно справляться с фламинго, но наконец удалось, прижав локтем, держать птицу на весу. Только вот чтобы ударить головой фламинго по ежу, нужно было выпрямить ему шею, но как раз это у Алисы никак не получалось: птица всё время оборачивалась и с таким изумлением смотрела на неё, что девочка не могла удержаться от смеха.

А если ей удавалось пригнуть ей голову, то почти каждый раз оказывалось, что ёж уже развернулся и удирает прочь. Кроме того, в тех редких случаях, когда Алисе всё же удавалось ударить по ежу и он начинал катиться, на дороге ему попадались бугры и колдобины, а изображавшие ворота солдаты то и дело поднимались и разбредались по площадке. «Так же просто невозможно играть!» — возмущалась Алиса.

Никто не соблюдал правил, били все сразу, не дожидаясь своей очереди, и всё время ссорились и дрались из-за ежей. А Королева в ярости чуть ли не каждую минуту топала ногами и кричала: «Отрубить ему голову! Голову ей долой!»

Алиса не на шутку забеспокоилась. Положим, пока всё шло благополучно, но всё же могло случиться, что в конце концов Королева велит отрубить голову и ей.

«Что же тогда мне делать? — в тревоге думала она. — Королева ужасно любит рубить головы. Удивительно, что ещё столько их уцелело!»

Алиса начала уж подумывать о том, как бы сбежать отсюда, но боялась, что сделать это незаметно ей не удастся. Она осмотрелась по сторонам и вдруг заметила, что в воздухе происходит что-то странное. Алиса пригляделась получше и увидела улыбку Чеширского Кота.

«Слава богу! Теперь хоть будет с кем поговорить».

— Ну, как дела? — спросил Кот, когда стал виден отчётливее.

Алиса подождала немного, пока не появились глаза, и кивнула ему.

«Говорить пока не буду, — решила она, — подожду, когда покажутся уши или, по крайней мере, хоть одно ухо».

Через минуту появилась вся голова, и Алиса, опустив на землю фламинго, стала рассказывать про игру в крокет, очень довольная, что есть кому её слушать. Кот ограничился одной головой, не став показываться целиком, — должно быть, считал, что этого вполне достаточно для разговора.

— Здесь все играют неправильно, — пожаловалась Алиса, — и так ссорятся и кричат, что не услышишь собственного голоса. Никаких правил у них нет. И вы не можете себе представить, как неудобно играть живыми птицами и ежами. Несколько минут назад мой ёж прошёл в ворота, и мне, наверное, удалось бы крокировать ежа Королевы, но тот, увидев, что мой ёж катится к нему, преспокойно убежал!

— А как тебе понравилась Королева? — спросил Кот.

— Совсем не понравилась. Очень она…

Тут Алиса заметила Королеву — та, оказывается, стояла совсем близко и прислушивалась.

— …хорошо играет, — благоразумно продолжила Алиса, — так что нет никакой надежды выиграть.

Королева улыбнулась и двинулась дальше.

— С кем это ты разговариваешь? — спросил Король, подойдя к Алисе и с удивлением разглядывая голову Кота.

— Это мой друг, Чеширский Кот. Разрешите представить его вашему величеству.

— Мне он не нравится, — заявил Король. — Впрочем, он, пожалуй, может поцеловать мне руку.

— Нет, уж лучше не поцелую, — надменно произнёс Кот.

— Не дерзи! — воскликнул Король. — И не смотри на меня так!

Но на всякий случай спрятался за спину Алисы.

— И кошки могут смотреть на королей, ваше величество, — заметила Алиса, — я это прочитала в книжке, только не помню в какой.

— И тем не менее его надо убрать, — повелительным тоном сказал Король и крикнул проходившей мимо Королеве: — Дорогая! Я хочу, чтобы ты приказала убрать этого Кота.

У Королевы был только один способ устранять затруднения, и большие, и малые.

— Отрубить ему голову! — крикнула она, даже не обернувшись.

— Я сам приведу Палача! — воскликнул Король и поспешил прочь.

Через несколько минут с крокетного поля донеслись гневные крики Королевы. Алиса решила вернуться и продолжить игру, хотя у неё совсем не было такого желания: Королева приговорила к смерти ещё трёх игроков за то, что они пропустили свои ходы.

Алиса боялась, что, если так пойдёт и дальше, Королева велит отрубить голову и ей. Игра велась без всякого порядка, и Алиса, подталкивая ежа, не была уверена, её ли сейчас очередь.

Однако делать было нечего, и она отправилась искать своего ежа. Оказалось, что он вступил в бой с другим ежом, что, по мнению Алисы, давало ей редкую возможность крокировать хоть одного ежа. Единственное затруднение состояло в том, что её фламинго удрал в дальний конец

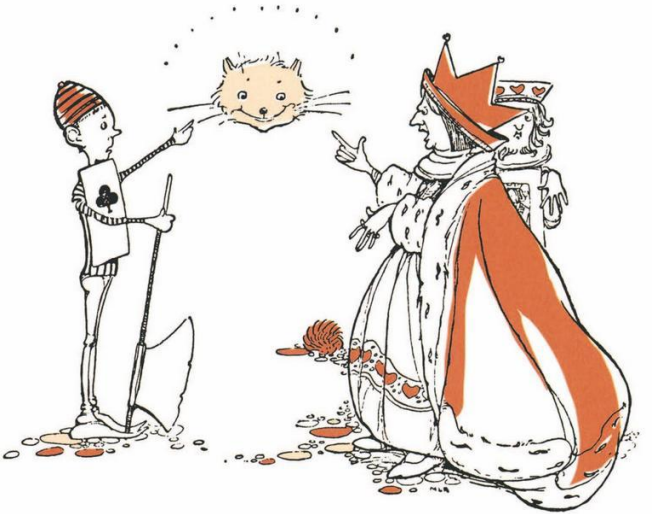
сада и там пытался, хоть и безуспешно, взлететь на дерево.

Когда Алиса наконец поймала фламинго и отправилась за ежом, бой уже закончился, и обоих ежей нигде не было видно — они куда-то скрылись.

«Конец игре, — подумала девочка. — Вот и ворота все куда-то подевались».

Она взяла фламинго под мышку, чтобы не сбежал, и вернулась к своему другу, Чеширскому Коту: хотелось ещё немножко поболтать с ним, — но, приблизившись, с удивлением увидела окружившую его толпу. Король, Королева и Палач горячо спорили о чём-то, причём говорили все сразу. Остальные стояли молча и были сильно встревожены.

Как только появилась Алиса, все трое споривших бросились к ней, требуя рассудить, кто из них прав. Но поскольку говорили все одновременно, перебивая друг друга, она с трудом поняла, из-за чего спор.



Палач, оказывается, утверждал, что нельзя отрубить голову, у которой нет туловища, — следовательно, казнь не может состояться. Король доказывал, что всё имеющее голову может быть обезглавлено и что Палач говорит чушь. Короле-

ва же кричала, что если Кот не будет немедленно казнён, то казнены будут все присутствующие.

Именно эти слова Королевы и повергли всех в волнение.

— Мне кажется, следовало бы сначала переговорить с Герцогиней, — заметила Алиса. — Ведь это её Кот.

— Герцогиня в тюрьме! Ведите её сюда! — крикнула Королева Палачу, и он помчался со всех ног исполнять её приказание.

Как только Палач убежал, голова Кота начала мало-помалу бледнеть, а когда он вернулся с Герцогиней, голова и вовсе исчезла. Король и Палач метались по полю и окрестностям, разыскивая Кота, а все остальные вернулись к игре.

Глава девятая
История Черевродепахи

— Ты не можешь себе представить, как я рада,

что снова увидела тебя, моя милочка! — воскликнула Герцогиня, схватив Алису за руку и увлекая в сторону.

Алиса порадовалась, что Герцогиня пребывает в хорошем расположении духа, и подумала: «Должно быть, раньше она была такая злая от перца. Если я когда-нибудь стану герцогиней, то вообще запрещу держать перец в доме: суп прекрасно можно варить и без него — а то из-за этого перца люди, наверное, и бывают такие злые. И уксус запрещу: от него становятся едкими и кислыми, — а ещё ромашку, горькую до огорчения. А вот сахара и других сладостей пусть будет побольше, и тогда все станут милыми и добрыми… Если бы взрослые понимали это, то не жалели бы сладостей для своих детей».

Рассуждая так, Алиса совсем забыла про Герцогиню и вздрогнула, услышав её голос у самого уха:

— Ты, я вижу, о чём-то задумалась, моя милочка? Вот поэтому наш разговор и затух. И какой из этого можно сделать вывод? Я пока не знаю, но подумаю и скажу.

— Вполне возможно, что никакой, — предположила Алиса.

— Ты ошибаешься, милая! Нет ничего на све-

те, из чего нельзя было бы сделать вывод. Надо только знать, как взяться за дело, — заключила Герцогиня и буквально притиснулась к Алисе.

Девочке это совсем не понравилось: во-первых, потому что Герцогиня была ей вообще несимпатична, а во-вторых, потому что из-за роста её подбородок прямо-таки врезался в Алисино плечо, причём очень острый подбородок.

Однако, не желая показаться грубой, Алиса молчала и терпела столь явное неудобство.

— Теперь игра пошла, кажется, лучше, — заметила она, чтобы хоть что-то сказать.

— Да-да, — согласилась Герцогиня. — Из этого можно сделать следующий вывод: миром движет любовь. Именно она заставляет Землю вертеться!

— А я помню, как кто-то сказал, — многозначительно произнесла Алиса, — что если бы каждый занимался своим делом, никто не вмешивался в чужие дела, то Земля вертелась бы куда быстрее.

— Ну да! Но это, в сущности, одно и то же, — согласилась Герцогиня, всё больнее впиваясь в плечо Алисы своим острым подбородком. — Из этого мы делаем такой вывод: не слово ценится, а дело. Хорошенько запомни!

«Как же она любит поучать!» — подумала

Алиса.

— Ты, милая, должно быть, удивляешься, почему это я не обнимаю тебя, — неожиданно сменила тему Герцогиня. — Дело в том, что я побаиваюсь твоего фламинго. Ведь он, пожалуй, и ущипнуть может, если рассердится. Или попробовать?

— Конечно, может, — подтвердила Алиса, которой совсем не хотелось, чтобы эта дамочка обнимала её.

— Да, что поделаешь, — согласилась Герцогиня. — И фламинго, и горчица щиплются. Вот такие это опасные птички!

— Но горчица совсем не птица!

— Верно, как всегда! Какая же ты умная!

— Горчица, по-моему, минерал? — неуверенно произнесла Алиса.

— Конечно, — подтвердила Герцогиня, готовая, по-видимому, соглашаться со всем, что бы ни услышала.

— Ах нет, я вспомнила! Горчица — это растение, хотя по виду и не скажешь.

— Совершенно верно, — согласно кивнула Герцогиня. — Если хочешь, я подарю тебе всё, что сказала сегодня: и понятное, и непонятное.

«Ничего себе подарок, — подумала Алиса, — хорошо, что никому не приходит в голову дарить

нечто подобное в день рождения», — но не решилась высказать свои мысли вслух.

— Опять задумалась? — спросила Герцогиня, снова уткнув в Алису свой острый подбородок.

— На что имею полное право, — довольно резко сказала Алиса, которой страшно надоело такое обращение.

— Такое же право, как поросёнок — летать. А вывод из этого следует такой…

Но вдруг, к величайшему удивлению Алисы, рука Герцогини, сжимавшая её пальцы, задрожала.

Девочка подняла глаза и увидела в нескольких шагах от них Королеву: руки её были скрещены на груди, брови грозно нахмурены.

— Прекрасная погода сегодня, ваше величество! — пролепетала Герцогиня дрожащим голосом.

— Предупреждаю! — крикнула Королева. — Или сию же минуту уноси отсюда ноги, или не сносить тебе головы! Выбирай!

Герцогиня выбрала — и в одно мгновение исчезла.

— Пошли играть! — приказала Королева Алисе, и та, настолько испуганная, что не могла произнести ни слова, послушно последовала за ней.

Гости тем временем, воспользовавшись отсутствием правительницы, бросили игру и сели отдохнуть в тени. А когда увидели, что она возвращается, поспешно вскочили, вернулись на поле и возобновили игру. Королева же мимоходом заметила, что за самовольный отдых они могут поплатиться жизнью.

Во время игры то и дело раздавались её крики: «Долой ему голову!», «Долой ей голову!».

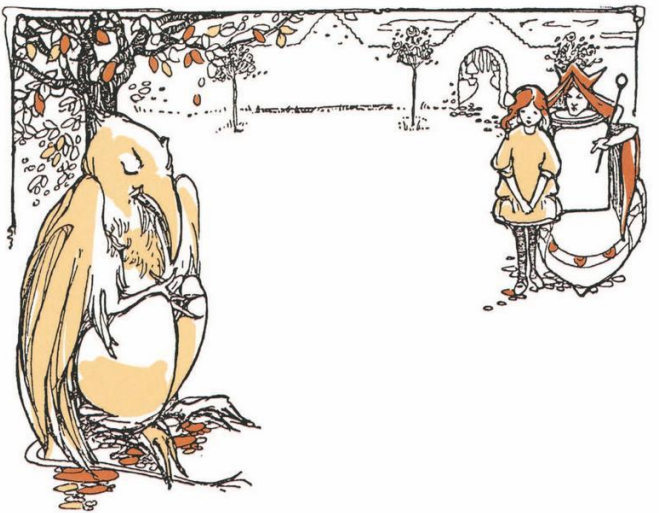
Солдатам, изображавшим ворота, приходилось выполнять её приказания, и потому количество ворот быстро уменьшалось.

Через полчаса их уже вообще не осталось, а все присутствующие, за исключением Короля, Королевы и Алисы, лежали на земле, приговорённые к смертной казни.

Наконец Королева, утомившись от собственных криков, решила передохнуть и спросила Алису:

— Ты видела когда-нибудь существо, похожее на черепаху, но не совсем черепаху?

— Нет, никогда даже не слышала о таком.



— Из таких получается превосходный суп, почти как настоящий черепаховый. Пойдём, я вас познакомлю, и она расскажет тебе свою историю.

Следуя за Королевой, Алиса успела услышать, как Король тихо сказал арестованным, осторожно озираясь по сторонам:

— Вы все помилованы.

«Слава богу!» — с облегчением подумала Алиса, которой было очень жаль этих несчастных, приговорённых Королевой к смерти.

По дороге Королева и Алиса набрели на Грифона, крепко спавшего на солнышке. (Если вы не знаете, кто такой грифон, посмотрите на картинку.)

— Вставай, лентяй! — крикнула Королева. — И отведи эту юную особу к Черевродепахе: пусть расскажет девочке свою историю, — а у меня дела — надо проследить за казнями.

И она ушла, оставив Алису с Грифоном.

Сначала он показался Алисе очень страшным, но, хорошенько подумав, она решила, что, пожалуй, будет безопаснее остаться с ним, чем вернуться к свирепой Королеве.

Грифон уселся поудобнее, протёр глаза и, посмотрев вслед Королеве, усмехнулся:

— Потеха!

— Это ты о чём? — поинтересовалась Алиса.

— Да о Королеве, — ответил Грифон. — Чудна́я она! Сколько народу приговаривает к казни, но

никогда никого не казнит. Ну, идём, что ли?

— Ну все здесь командуют: иди туда, иди сюда… — ворчала Алиса, медленно шагая за Грифоном.

Шли они недолго, и вскоре Грифон указал на существо на выступе утёса, показавшееся Алисе грустным и одиноким. Когда же подошли ближе, девочка услышала, что оно вздыхает, да так тяжело, как будто сердце у него разрывается на части. Алисе стало очень жаль Черевродепаху.

— У неё горе? — спросила она у Грифона.

— Никакого горя у неё нет, одно только воображение! Она большая выдумщица.

Когда они приблизились к Черевродепахе, та подняла на них большие, полные слёз глаза, но не произнесла ни слова.

— Вот эта юная особа, — сказал Грифон, — хочет послушать твою историю.

— Так и быть, поведаю, — ответила Черевродепаха глухим, низким голосом. — Только сидите тихо и не говорите ни слова, пока не закончу свою печальную повесть.

Прежде чем начать, Черевродепаха долго молчала, так что Алиса подумала: «Не понимаю, как ей удастся закончить свою историю, если никак её не начнёт!» — но ничего не сказала, продолжая

терпеливо ждать.

— Когда-то, — начала наконец Черевродепаха, глубоко вздохнув, — я была настоящей черепахой.

После этих слов снова наступило продолжительное молчание, прерываемое время от времени вздохами и всхлипами Черевродепахи.

Алисе не раз хотелось сказать: «Благодарю вас за интересный рассказ» — и уйти, но желание услышать наконец продолжение истории пересиливало.

— Когда я была маленькой, — заговорила снова Черевродепаха, — то ходила в школу в море. Нас учила очень старая леди, которую мы называли Сухопутной Черепахой.

— Сухопутная в морской школе? — удивилась Алиса.

— Это потому, что она передвигалась по суше очень медленно, — недовольно пояснила Черевродепаха. — Какая ты бестолковая!

— Ведь просили же тебя не мешать! — пристыдил Алису Грифон, и они с Черевродепахой укоризненно уставились на бедную девочку, которая готова была провалиться сквозь землю.

Время шло, молчание затягивалось, пока наконец Грифон не сказал:

— Продолжай, старушка! Не целый же день нам здесь сидеть!

— Итак, мы ходили в школу, в море, — снова начала Черевродепаха, — хоть ты, я вижу, и не веришь этому.

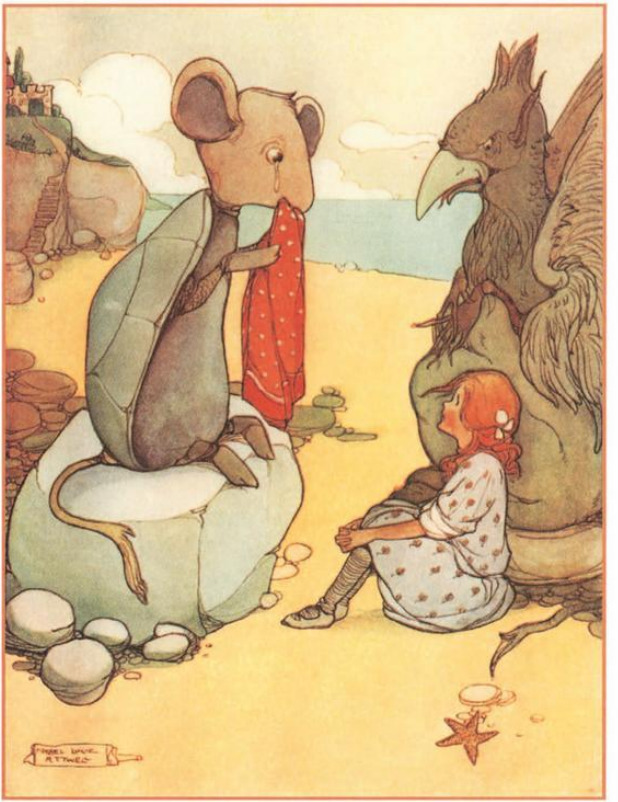
И она искоса взглянула на Алису.

— Я не говорила, что не верю, — возразила та.

— Нет, говорила, — заупрямилась Черевродепаха.

— Придержи свой язычок! — предвосхитил возражения девочки Грифон.

— Мы получили прекрасное образование, — продолжила между тем рассказчица, — так как ходили в школу каждый день…



— Я тоже хожу в школу каждый день, — не удержалась Алиса. — Не понимаю, чем тут гордиться.

— А необязательные предметы у вас есть? — оживилась Черевродепаха.

— Конечно. Французский язык и музыка.

— А стирка?

— Стирка? Нет…

— Ну, значит, твоя школа хуже моей, — облегчённо вздохнула Черевродепаха. — А мы учили французский язык, музыку и стирку.

— А сколько часов в день вы учились? — поинтересовалась Алиса.

— В первый день — десять, во второй — девять и так далее.

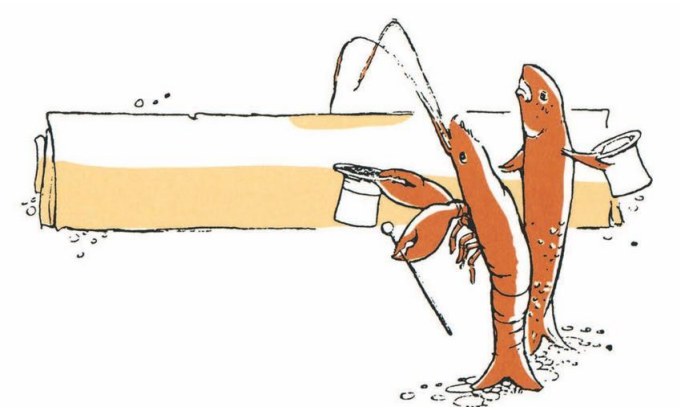
— Как странно! Значит, на одиннадцатый день у вас был праздник?

— Конечно, — подтвердила Черевродепаха.

— А что же было в двенадцатый?

— Как скучно: школа, уроки… — зевнул Грифон. — Рассказала бы лучше про игры.

Глава десятая
«Кадриль Омаров»



Черевродепаха глубоко вздохнула, смахнула слезу перепончатой лапой, взглянула на Алису, разинула рот, но не могла произнести ни слова — её душили рыдания.

— Ей, кажется, кость попала в горло, — сказал Грифон и стал трясти Черевродепаху и колотить по спине.

Наконец она успокоилась, хотя слёзы по-преж-

нему текли у неё из глаз, и спросила у Алисы:

— Ты, должно быть, редко бывала на дне морском?

— Вообще никогда не была, — честно призналась та.

— А может, ты и с Омарами не знакома?

— Нет, почему же! Я однажды ела омара… — начала было Алиса, но вовремя спохватилась: — Очень жаль, но нет.

— Значит, ты и понятия не имеешь, что это за прелесть — «Кадриль Омаров»!

— Вы совершенно правы. Как же её танцуют?

— Сначала, — вступил в беседу Грифон, — все становятся в ряд на морском берегу…

— В два ряда, — уточнила Черевродепаха. — Тюлени, лососи, черепахи, ну и все остальные. Затем, когда очистят берег от медуз, морских звёзд и им подобных…

— На что уходит довольно много времени, — добавил Грифон.

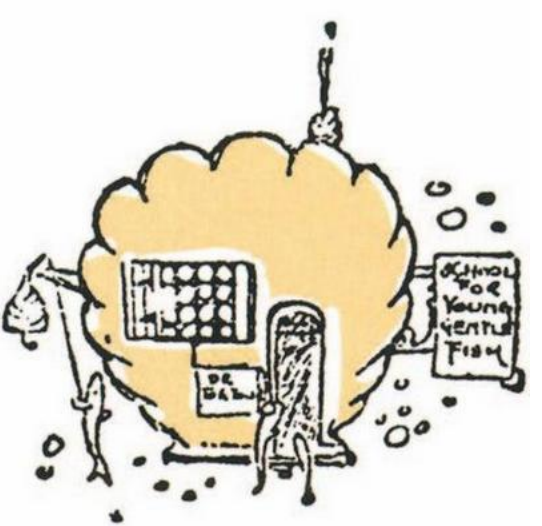
— Затем все встают парами, — взволнованно продолжила Черевродепаха.

— Омары за кавалеров! — крикнул Грифон.

— Разумеется. Пара делает два шага вперёд, подходит к своим визави…

— Меняются кавалерами и возвращаются на-

зад, — добавил Грифон.



— Потом бросают... — с жаром подхватила Черевродепаха.

— ...Омаров! — воскликнул Грифон, высоко подпрыгнув.

— Как можно дальше в море!

— И плывут за ними! — пронзительно прокричал Грифон.

— Делают кувырок в воде! — ещё громче воскликнула Черевродепаха, подпрыгнув и перевернувшись в воздухе.

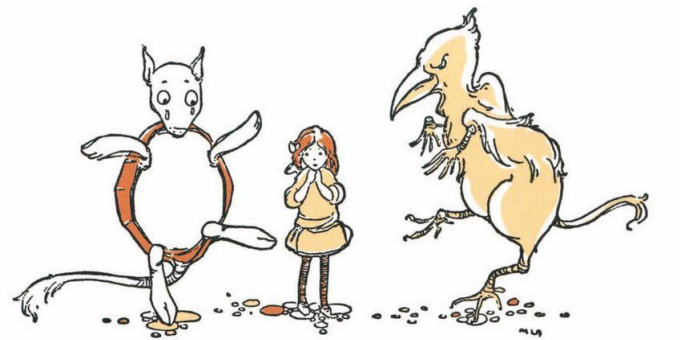
— Снова меняются кавалерами, то есть Омарами! — заревел Грифон.

— И возвращаются на берег. Это первая фигура, — сказала Черевродепаха, и голос её вдруг сник.

Оба, и Грифон и Черевродепаха, всё время

прыгавшие как безумные, вдруг погрустнели и уселись рядом, молча глядя на Алису.

— Это, должно быть, замечательный танец, — помолчав, неуверенно проговорила Алиса.



— А хотелось бы тебе самой его увидеть? — спросила Черевродепаха.

— Да, пожалуй, — вежливо ответила девочка.

— Покажем ей первую фигуру? — предложила Черевродепаха Грифону. — Обойдёмся пока без

Омаров. Только вот кто будет петь?

— Давай ты, — сказал Грифон. — Я слова забыл.

Они начали танцевать вокруг Алисы, то и дело наступая ей на ноги и выбивая такт передними лапами. Черевродепаха же запела медленно и грустно:

Несётся рыбка удалая,
Мерлан, резвясь на глубине.
За ним Улитка, спотыкаясь,
Ракушку тащит на спине.
– Оставь, Улитка, свои страхи,
Не то Треска обгонит нас.
Омары ждут и Черепахи,
Чтоб вместе всем пуститься в пляс.
Скажи, ты хочешь иль не хочешь,
Не хочешь ли пуститься в пляс?
Скажи, ты хочешь иль не хочешь,
Не хочешь ли пуститься в пляс?

Не можешь ты себе представить,
Как будет весело, когда
Мы станем дружно море славить,

Кружить, нырять туда-сюда!
Улитка с грустью отвечала:
– Нет, не добраться мне до вас,
Меня волна бы укачала,
Я не могу пуститься в пляс.
Я не могу и не умею,
Я не могу пуститься в пляс!
Я не могу и не умею,
Я не могу пуститься в пляс!

– Ты будь смелей, моя подружка, –
Волна морская нас манит,
Давай прибавим скорость дружно,
Пусть чайка над волной парит.
На суше ты оставь все страхи
И выставь рожки напоказ.
Нас ждут Омары, Черепахи,
Чтоб вместе всем пуститься в пляс.
Скажи, ты хочешь иль не хочешь,
Не хочешь ли пуститься в пляс?
Скажи, ты хочешь иль не хочешь,
Не хочешь ли пуститься в пляс?

— Благодарю вас, это замечательный танец, — сказала Алиса, обрадовавшись, что представление наконец закончилось. — Особенно мне понравилась песенка про Мерлана.

— Мерланов тебе, конечно, случалось видеть? — спросила Черевродепаха.

— Да, я видела их во время обе… — Алиса чуть было не сказала: «во время обеда на столе», но вовремя спохватилась.

— Итак, видела, — кивнула Черевродепаха, — и отлично знаешь, как они выглядят.

— Пожалуй, — задумчиво проговорила Алиса. — Мерланы, по-моему, держат хвост во рту и обсыпаны сухариками.

— Ты заблуждаешься, — возразила Черевродепаха. — Сухариков на них нет: их сразу смыла морская вода, — а вот хвосты во рту они действительно держат… — Черевродепаха вдруг широко зевнула и, прикрыв глаза, попросила Грифона: — Расскажи же ей, почему они так делают, расскажи подробно обо всём.

— Они держат хвост во рту, — пояснил Грифон, — чтобы танцевать кадриль с Омарами. Вот бросили их в море, а они описали дугу в воздухе, зажав крепко-накрепко хвост во рту, и упали в воду дальше всех. С тех пор так и повелось. Вот и

всё! И хватит! А теперь ты расскажи нам о своих приключениях.

— Да нечего особенно рассказывать, если только о сегодняшних, — задумчиво проговорила Алиса. — Про то, что было вчера, неинтересно, потому что вчера я была совсем другой.

— Объясни, — попросила Черевродепаха.

— Нет-нет, сначала приключения! — нетерпеливо перебил её Грифон. — На объяснения уйдёт много времени.

И Алиса приступила к рассказу обо всём, что происходило с ней с той минуты, как в первый раз увидела Белого Кролика. Черевродепаха и Грифон, усевшись к ней поближе, так широко открывали глаза и рты, что сначала Алисе даже было немного страшно, но потом она приободрилась и перестала бояться. Слушатели с интересом внимали ей, пока она не дошла до того места в рассказе, где читала стихи Червяку, поскольку на этот раз все слова у неё перепутались.

— Как, однако, странно это звучит! — воскликнул Грифон, когда Алиса закончила.

— Весьма! — подтвердила Черевродепаха и глубоко вздохнула: — Всё вышло решительно по-другому! А мне так хочется послушать стихи! Попроси её прочесть что-нибудь ещё. — И она

умоляюще взглянула на Грифона, как будто нисколько не сомневалась, что уж ему-то Алиса не откажет.

— Встань и прочитай нам наизусть что-нибудь про Омаров, — потребовал Грифон.

«Как они тут любят командовать: «Прочитай стихи, расскажи о приключениях!..» В школе и то было лучше», — подумала Алиса.

Но всё-таки она встала и начала читать наизусть, но в голове у неё всё ещё звучала «Кадриль Омаров», все слова перепутывались, и стихи выходили какие-то странные:

Пошёл прогуляться однажды Омар
На зависть всем прочим Омарам.
Костюм самый лучший из шкафа достал,
И туфли начистил он с жаром.
Клешнями все пуговки он застегнул
И в зеркало с гордой улыбкой взглянул.
Шаги он направил на берег морской,
По моде последней одетый,
Туда, где у моря песок золотой
Лежал, солнцем жарким нагре-

тый.

– Далёко умчалась морская волна:

Теперь мне Акула – и та не страшна!

Пусть смотрят все рыбы! –

Он лёг на песок,

Усами надменно поводит

И пучит глаза.

Но прилив недалёк,

Кто плавать не любит – уходит.

Шумя, на песок набегает волна.

Одна голова от Омара видна.

Совсем наш нарядный Омар ошалел

От водного пенного гула,

В волнах заметался и вдруг проглядел,

Как сзади подкралась Акула.

– Ты сам говорил: я тебе не страшна, –

И вмиг проглотила Омара она.

— Да, что-то не очень похоже на то, что мы учили в детстве, — сказал Грифон.

— И я ничего подобного не помню, — заметила Черевродепаха. — По-моему, это просто набор слов.

Алиса молчала и, закрыв в отчаянии лицо руками, думала, вернётся ли когда-нибудь её прежняя жизнь, в которой всё было так ясно и понятно.

— Стихи эти требуют объяснения, — упрямо повторила Черевродепаха.

— Она объяснить их не сможет, — сказал Грифон. — Пусть продолжает! Мы ждём. Что-нибудь ещё знаешь?

Алиса не посмела возразить, хотя и чувствовала: что бы ни прочитала, всё будет неправильно, — и дрожащим голосом начала:

Выхожу один я на дорогу –
Сквозь забор мне виден старый сад.
Я невольно чувствую тревогу:
Кто же те, что на скамье сидят?
То пантера хищная с совою,
Пирожок под сенью старых ив
Разделить должны между собою,
Но делёж не слишком справедлив:
Всё пантера съела без остатка –
Крошки нет… И вот она встаёт
И сове с улыбкой самой сладкой
Лишь пустое блюдо отдаёт.

И сова, от голода бледнея,

Стала пучить круглые глаза,

А над ними, шелестя сильнее,

Возмущалась старых ив листва…

— Боже, какая чушь! Это ещё хуже! — взвизгнула Черевродепаха.

— Не лучше ли прекратить чтение, — продолжил Грифон, — и протанцевать вторую фигуру «Кадрили Омаров»? Или, может быть, тебе больше хочется, чтобы Черевродепаха спела ещё песенку?

— Да, я бы с удовольствием послушала! — воскликнула Алиса так пылко, что Грифон, похоже, обиделся, поскольку заявил:

— Спой ей «Черепаховый суп», старушка.

Черевродепаха глубоко вздохнула и прерывающимся от рыданий голосом запела:

Супчик горячий, приправленный зеленью,

К обеду готов он – одно объедение!

Как не отведать из супницы суп,

Ложку бери – налетай, кто неглуп.

Суп черепаховый нам на обед,
Лучше супа на свете нет.
Лучше нет, лучше нет
Такого супа на обед!

— Припев повторяем! — воскликнул с вооду-

шевлением Грифон.

Но только Черевродепаха начала повторять последние строки, как вдали послышался крик:

— Суд начался!

— Бежим!

Грифон, схватив Алису за руку, бросился бежать, не став ждать окончания песни.

— Какой суд? — задыхаясь от бега, спросила Алиса.

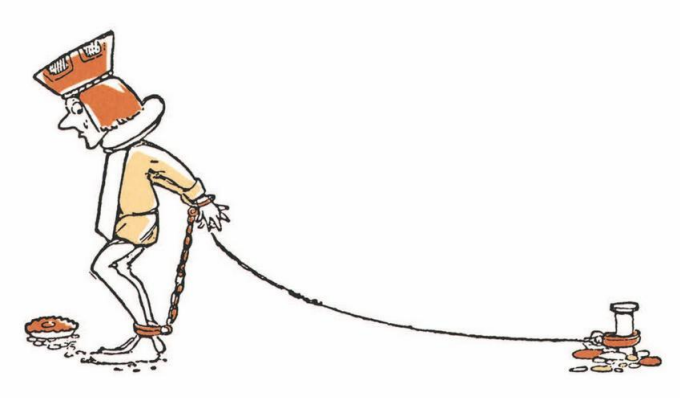
— Бежим! Бежим! — только и твердил в ответ Грифон.

Они побежали ещё быстрее, а ветер доносил до них печальные ахи и вздохи Черевродепахи и припев её песни:

Лучше нет, лучше нет

Такого супа на обед…

Глава одиннадцатая
Кто стащил пирожки?



Король и Королева сидели на троне в большом зале, вокруг них толпились подданные — полная колода карт и всевозможное зверьё и птицы. Червонный Валет, закованный в цепи, стоял перед троном под охраной двух солдат. Рядом с Королём стоял Белый Кролик, с трубой в одной лапке и свитком — в другой.

На столе посредине зала стояло блюдо с пи-

рожками, и выглядели они так аппетитно, что у Алисы заурчало в желудке, стоило взглянуть на них.

«Поскорее бы закончился суд, — подумала она, — и тогда, возможно, всех угостят пирожками».

Но надеяться на это, похоже, не приходилось, и Алиса от нечего делать принялась разглядывать окружающих.

Ей никогда не приходилось бывать в суде — только в книжках про них читала.

«Это судья, — догадалась она, взглянув на Короля, — судя по тому, что он в парике. И к тому же ему явно неудобно в этом облачении. А это скамья присяжных. Двенадцать существ (а как ещё их назвать — всех этих зверьков, зверей и пичуг?), должно быть, присяжные заседатели, которые решат, нужно ли наказывать подсудимого».

Девочка вскинула голову, гордая тем, что, в отличие от многих своих ровесниц, знает так много про суд. Двенадцать присяжных что-то усердно писали на грифельных досках.

— Что это они пишут? — шёпотом спросила Алиса у Грифона. — Ведь суд ещё не начался.

— Они записывают свои имена, — шепнул Грифон. — Боятся, что забудут их, прежде чем

кончится разбирательство дела.

— Вот дураки! — возмущённо воскликнула Алиса, но тут же прикрыла рот ладошкой, так как Белый Кролик зашикал, призывая к тишине, а Король надел очки и стал оглядывать присутствующих, выискивая, кто это осмелился заговорить.

Алиса смотрела на присяжных и думала: «Вот дураки! Представляю, что они понапишут, когда процесс начнётся!»

У маленького Билла — ящерицы из числа присяжных — ужасно скрипел грифель, и Алиса с трудом выносила этот противный звук. Наконец не выдержав, она подошла к Биллу, стала позади него и, воспользовавшись первым удобным случаем, выхватила у него грифель. Она сделала это так быстро, что бедный маленький Билл не мог понять, куда девался его грифель. Покрутив головой, но так и не найдя его, Билл продолжил писать пальцем. Казалось, его нисколько не смущало, что в этом не было никакого толка, потому что доска оставалась чистой.

— Герольд, прочитайте обвинение! — повелел наконец Король.

Белый Кролик приложил трубу ко рту, трижды протрубил сигнал, призывая всех к тишине, и, развернув свиток, прочитал:

Испекла пирожки Королева Червей
И оставила их на столе,
А Червонный Валет, хулиган и злодей,
Утащил пирожки все к себе.

— Решайте немедленно, виновен он или нет. Выносите приговор! — приказал Король присяжным.

— Нет-нет, ещё рано выносить приговор! — поспешил вмешаться Белый Кролик. — Сначала нужно допросить свидетелей.

— Вызовите первого свидетеля! — велел Король.

Кролик трижды протрубил сигнал и выкрикнул:

— Вызывается первый свидетель!

Им оказался Шляпник, который явился с чашкой чая в одной руке и с бутербродом — в другой.

— Прошу прощения, ваше величество! — начал

он. — Я захватил с собой еду, потому что ещё не кончил пить чай, когда за мной прислали.

— Давно следовало закончить чаепитие, — заметил Король. — А когда же вы начали?

Шляпник вопросительно посмотрел на Мартовского Зайца, который стоял чуть в стороне под ручку с Сурком.

— Кажется, четырнадцатого марта, — ответил Шляпник неуверенно.

— Нет, пятнадцатого, — возразил Мартовский

Заяц.

— А по-моему, шестнадцатого, — сказал Сурок.

— Запишите это, — приказал Король присяжным, и те торопливо записали все три числа, сложили, подсчитали сумму и вывели среднее арифметическое.

Выслушав заключение присяжных, Король приказал Шляпнику:

— Снимите шляпу!

— Она не моя, — ответил тот.

— Значит, шляпа украдена! — воскликнул Король и обернулся к присяжным, которые тотчас же записали это на своих досках.

— Все шляпы, какие делаю, я продаю, — пояснил свидетель. — А своей-то у меня и нет.

Тут Королева надела очки и стала так пристально разглядывать Шляпника, что тот побледнел и беспокойно заёрзал.

— Что вы знаете по этому делу? — спросил Король. — Да не вертитесь так, а не то я велю вас казнить тут же, на месте!

Слова эти, по-видимому, ещё больше взволновали свидетеля. Шляпник переступал с ноги на ногу, с тревогой поглядывал на Королеву и был до того смущён, что откусил от чашки вместо бутерброда.

В эту минуту Алиса вдруг почувствовала, что с ней происходит что-то странное. Сначала она не могла понять, в чём дело, но через несколько минут догадалась, что начинает расти. Сначала она хотела встать и выйти, но потом передумала и решила оставаться в зале до тех пор, пока голова не упрётся в потолок.

— Ты меня придавила, — сказал ей Сурок, сидевший рядом. — Я задыхаюсь!

— Это не моя вина, просто я расту.

— Ты не можешь расти здесь! — воскликнул Сурок.

— Не говори глупости! — осмелела Алиса. — Ведь и ты растёшь.

— Да, но я расту постепенно и понемногу, а ты

— прямо на глазах; это не по правилам.

И, надувшись как индюк, он встал и пошёл искать себе другое место.

Королева всё ещё не спускала глаз со Шляпника, но вдруг крикнула:

— Принести мне программу последнего концерта!

Услыхав это, несчастный Шляпник так затрясся, что с него свалились оба башмака.

— Говорите же, что вы знаете по этому делу, — с досадой повторил Король, — а не то я велю вас казнить!

— Я бедный человек, ваше величество, — дрожащим голосом проговорил Шляпник. — С неделю назад или около того начали пить чай… и ломтик хлеба стал такой тоненький… и потом засверкало…

— Что засверкало? — вскинул брови Король.

— Это началось вместе с чаем. Я… бедный человек, ваше величество… — бормотал Шляпник. — И вдруг всё как засверкает… Только Мартовский Заяц и говорит…

— Я ничего не говорил, — торопливо пролепетал Мартовский Заяц.

— Нет, говорил, — упорствовал Шляпник.

— Нет, не говорил! — твердил своё Заяц.

— Ладно, оставим это, — не выдержал Король. — Что же дальше?

— Тогда, значит, Сурок говорит, — сказал Шляпник, пытаясь отыскать глазами Сурка и опасаясь, что он тоже отречётся от своих слов.

Но Сурок не отрёкся, потому что крепко спал.

— После всего этого, — не услышав возражений, продолжил Шляпник, — я, значит, отрезал кусок хлеба, намазал маслом…

— А что же всё-таки сказал Сурок? — запоздало поинтересовался один из присяжных.

— Сейчас я уже не могу припомнить.

— Но вы должны припомнить, — рассердился Король, стукнув кулаком по столу. — Иначе я велю вас казнить!

Несчастный Шляпник выронил чашку с чаем и бутерброд, рухнул на колени и опять затянул:

— Я бедный человек, ваше величество! Я всего лишь шляпный мастер.

— Может, шляпный вы и мастер, но вот говорить совсем не мастер, — заключил Король.

Тут одна Морская Свинка громко захлопала, но её сейчас же призвали к порядку.

Здесь следует пояснить, как это обычно происходит: того, кого призывают к порядку, засовывают в большой мешок вниз головой, а потом

садятся на этот мешок.

«Как хорошо, что мне удалось это увидеть, — подумала Алиса. — Мне приходилось читать в газетах: «Была сделана попытка выразить недовольство, но полиция поспешила призвать недовольных к порядку». Теперь я хоть буду знать, что это значит».

— Стойте твёрдо на своих показаниях, если уверены в них, — посоветовал Король.

— Как же, ваше величество, мне стоять на показаниях, — удивился Шляпник, — ведь я уже стою на полу!

Тут захлопала другая Морская Свинка и тоже была призвана к порядку уже известным способом.

«С Морскими Свинками покончено, — подумала Алиса, — может, дело теперь пойдёт живее».

— Могу я теперь уйти и выпить наконец чаю? — спросил Шляпник, обеспокоенно поглядывая на Королеву, которая всё ещё читала программку.

— Можете идти, — разрешил Король, и Шляпник так стремительно бросился из зала, что даже не успел надеть башмаки.

— Казнить его! — крикнула Королева ему вслед, но Шляпник уже исчез, так что исполнить её приказание было невозможно.

— Вызовите второго свидетеля! — приказал Король.

Следующим свидетелем, вернее — свидетельницей, оказалась Кухарка Герцогини. Она держала в руках банку с перцем. Алиса тотчас же догадалась, что в банке перец, потому что, как только Кухарка вошла, все сидевшие около двери принялись чихать.

— Что вы можете сказать по этому делу? — спросил Король.

— Не стану отвечать! — выпалила Кухарка.

Король с беспокойством взглянул на Белого Кролика, и тот поспешил шепнуть ему на ухо:

— Вы должны заставить свидетельницу сказать, ваше величество, всё, что она знает.

— Должен так должен, — горестно вздохнул Король.

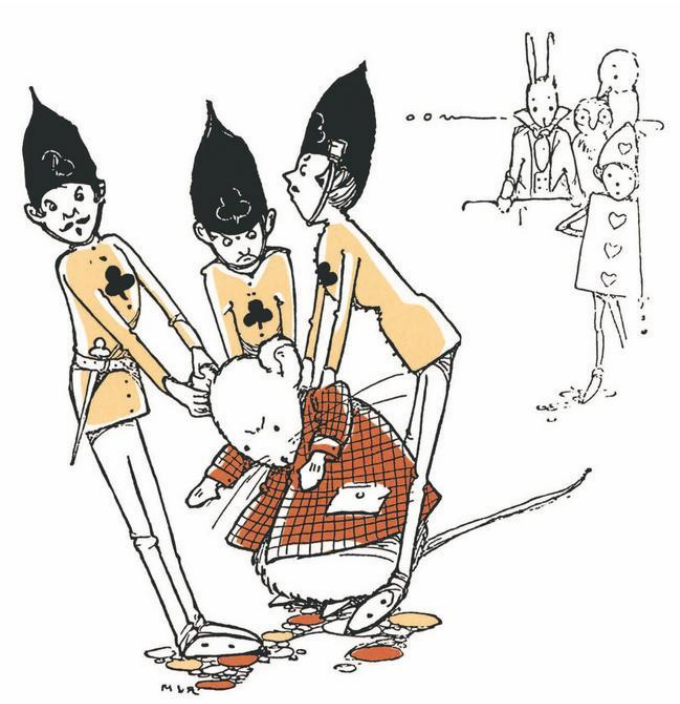
Скрестив руки на груди и нахмурившись так, что глаза превратились в крошечные щёлочки, он устремил взгляд на Кухарку и спросил глухим низким голосом:

— Из чего делают сладкие пирожки?

— Главным образом из перца, — не замедлила

ответить свидетельница.

— Из патоки, — проговорил за её спиной кто-то сонным голосом.



— Схватите поскорее этого Сурка и вышвырните отсюда! — пронзительно закричала Королева. — Что это он всё время вмешивается?! Уберите его! Отрубите ему усы!

Поднялась страшная суматоха. Несчастного Сурка теребили и тащили в разные стороны, а когда наконец вытолкали из зала и все уселись на свои места, оказалось, что Кухарка исчезла.

— Не беда! — весело воскликнул Король, которого это, по-видимому, очень обрадовало. — Вызвать следующего свидетеля! — И, нагнувшись к Королеве, тихо прибавил: — Дорогая, допроси следующего свидетеля; у меня от всего этого голова разболелась!

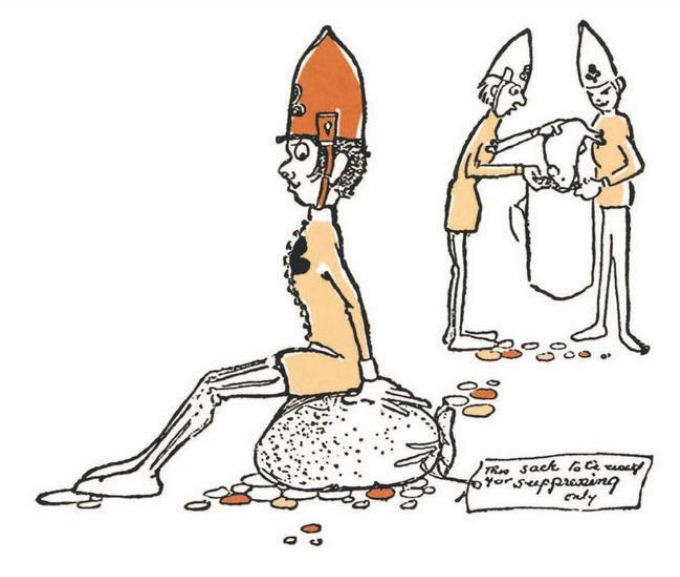
Белый Кролик стал перебирать свои бумажки, отыскивая список.

«Интересно, кого он вызовет теперь? — подумала Алиса. — От первых двух свидетелей толку не было».

Представьте же себе её изумление, когда Белый Кролик закричал пронзительным голосом:

— Алиса!

Глава двенадцатая
Показания Алисы



— Здесь! — крикнула Алиса и, совсем забыв, насколько выросла с тех пор, как пришла сюда, торопливо вскочила с места, причём задела за

скамью присяжных. Скамья опрокинулась, и присяжные посыпались на головы сидевшей внизу публики.

Алиса тут же вспомнила, как неделю назад нечаянно опрокинула аквариум с золотыми рыбками — так похоже барахтались сейчас на полу присяжные.

— Извините, пожалуйста! — с испугом воскликнула девочка и бросилась поднимать присяжных. Ей казалось, что, как и рыбки, если их долго не опускать в воду, присяжные погибнут, не посади она их как можно скорее на скамью.

— Допрос свидетеля, — заявил Король, — не может начаться до тех пор, пока присяжные должным образом не займут свои места, все до единого, — с ударением произнёс он, строго глядя на Алису.

Она посмотрела на скамью присяжных. Оказалось, что второпях она поставила бедного маленького Билла-ящерицу головой вниз. Он никак не мог перевернуться и уныло помахивал хвостиком. Алиса схватила его и поскорее перевернула.

Когда присяжные наконец пришли в себя и получили свои доски и грифели, то принялись усердно описывать это неприятное происшествие. Один лишь Билл всё ещё никак не мог восстановить равновесие и, разинув рот, непо-

движно сидел, глядя в потолок.

— Что вы знаете по этому делу? — приступил к допросу Король.

— Ничего, — ответила Алиса.

— Решительно ничего? — настаивал Король.

— Решительно ничего.

— Это очень важно, — обратился он к присяжным.

Те уж было начали записывать его слова на своих досках, когда вмешался Белый Кролик.

— Вы, должно быть, хотели сказать, что это не важно, ваше величество? — проговорил он почтительно, сделав при этом многозначительную гримасу.

— Да, конечно, я хотел сказать «не важно», — торопливо поправился Король и несколько раз повторил вполголоса: — Важно, не важно, важно, не важно, — как будто пытался решить, какое слово звучит лучше.

В результате одни присяжные написали «важно», а другие — «не важно». Алиса видела это, поскольку стала большой, да и стояла недалеко от них. «Но разве важно, что они напишут? Совершенно не важно!» — подумала она.

M.L.R

Вдруг Король, торопливо писавший что-то в своём блокноте, крикнул:

— Внимание! Тишина!

Через мгновение зал замер, и он прочитал написанное:

— Правило номер сорок два: «Те, чей рост превышает километр, удаляются из зала суда».

Все присутствующие обратили свои взоры к Алисе.

— Во мне и километра-то нет, — сказала она уверенно.

— Нет, есть, — возразил Король.

— В тебе даже два километра, — вставила Королева.

— Как хотите, но я с места не двинусь! — заявила Алиса. — Да и правило ваше ненастоящее — вы сами его только что придумали!

— Как ты смеешь такое говорить?! Это самое древнее из правил! — возмутился Король.

— В таком случае оно должно быть Правилом номер один, — резонно заметила Алиса.

Король побледнел и, поспешив захлопнуть свои записи, дрогнувшим голосом обратился к присяжным:

— Удаляйтесь и совещайтесь!

— Нет, постойте! Ваше величество, обнару-

жились новые обстоятельства… — воскликнул, вскочив с места, Белый Кролик. — Нашли одну бумагу.

— Что за бумага? — спросила Королева.

— Я ещё не разворачивал её, — замялся Белый Кролик. — Но, по-видимому, это письмо, которое написал кому-то подсудимый.

— Ясное дело, что кому-то, — заметил Король. — Если бы он написал его никому, это было бы очень странно.

— Кому же адресовано письмо? — спросил один из присяжных.

— Оно без адреса. — Белый Кролик развернул бумагу и прибавил: — Да это вовсе и не письмо, а стихи.

— А почерк чей, подсудимого? — поинтересовался другой присяжный.

— Нет, не его, — ответил Белый Кролик, и все присяжные с удивлением переглянулись.

— Стало быть, он подделал чей-то почерк, — задумчиво сказал Король.

Присяжные просияли и дружно вздохнули с облегчением.

— Я не писал этих стихов, ваше величество, — сказал Червонный Валет. — И никто не докажет обратное. Ведь моей подписи там нет?

— То, что подписи нет, ещё не говорит о вашей невиновности, — возразил Король. — Не задумай вы что-нибудь дурное, конечно, подписались бы своим именем.

Все дружно захлопали, что объяснимо — ведь это были первые разумные слова, сказанные Королём за весь день.

— Да, это, без сомнения, доказывает вину подсудимого, — подвела итог Королева, — а потому его следует казнить…

— Это решительно ничего не доказывает, — отважно возразила Алиса. — И вы даже не знаете, что это вообще за стихи.

— Ну так огласите их, — потребовал Король.

Белый Кролик надел очки и спросил:

— Откуда начать, ваше величество?

— Начните с начала, — важно проговорил Король, — и прочитайте до конца.

Среди мёртвой тишины Белый Кролик продекламировал:

От слов её бросает в дрожь,
И я пред ней немею:
Она нашла, что я хорош,
Хоть плавать не умею.

Она послала мне сказать:

– Пощады мы не просим! –
Он дал им три, она им – пять,
А мы ей дали восемь.

Он дал ей пять, она нам – три,
Сложивши аккуратно:
Но в результате (посмотри!)
Вернулись все обратно.

Пред тем, как с нею был удар,
Я был напуган снами:
Отсюда много ссор и свар
Меж ними, ей и нами.

А потому и оттого
Послушайся совета:
Ты никому и ничего
Не говори про это!

— Это самое важное доказательство вины!

Самое существенное из всех прочих, — сказал, потирая руки, Король, — а потому присяжные могут теперь…

— Я готова отдать свой напёрсток тому, кто объяснит, что значит это стихотворение! — воскликнула Алиса, которая выросла уже настолько, что не побоялась перебить Короля. — В нём нет никакого смысла.

Присяжные сейчас же записали: «Она утверждает, что в нём нет никакого смысла», — но никто так и не вызвался дать комментарии прочитанным стихам.

— Тем лучше: значит, нам и не придётся искать какой-нибудь смысл… — начал Король, но вдруг задумался и развернул листок на коленях. — Хотя, пожалуй, некоторый смысл в нём всё же найти можно… «Хоть плавать не умею…» Умеете вы плавать, подсудимый?

Валет, вздохнув, грустно покачал головой:

— Разве такие, как я, плавают?

И действительно: разве мог он плавать, если, как и все карты, был из тонкого картона.

— Так, это мы установили, — проговорил Король, просматривая стихотворение дальше. — «Пощады мы не просим…» Интересно, не просим у кого? «Он дал им три, она им — пять» — здесь,

разумеется, речь идёт о пирожках.

— Но ведь дальше сказано: «Вернулись все обратно!» — возразила с горячностью Алиса.

— Так оно и есть! — с торжеством сказал Король, показывая на пирожки. — Это ясно как день… «Пред тем как с нею был удар…» Ведь у тебя, кажется, не было удара, моя дорогая? — спросил он у Королевы.

— Никогда, — гневно воскликнула та, запустив чернильницей в присяжных.

Чернильница попала в Билла. Бедный маленький Билл уже давно перестал писать на доске пальцем: в конце концов сообразил, что на ней не остаётся никаких следов, — но теперь, когда был облит чернилами, стал макать в них палец и писать.

— Значит, слова эти не имеют к тебе никакого отношения. Ну и слава богу! — заключил Король и прибавил чуть ли не в десятый раз за день: — Присяжные! Отправляйтесь сове– щаться.

— Нет! Нет! — крикнула Королева. — Сначала пусть вынесут приговор, а потом совещаются.

— Разве так можно? Сначала выносить приговор, а потом совещаться? — возразила Алиса.

— Молчать! — заорала Королева, побагровев от гнева.

— Ой-ой-ой! Я вас нисколечко не боюсь, — сказала Алиса, — и молчать не буду!

— Отрубите ей голову! — приказала Королева в ярости.

Никто не тронулся с места.

— Вам меня не испугать! — воскликнула Алиса, которая к этому времени обрела свой обычный рост. — Ведь вы всего лишь колода карт! Колода карт — ничего больше!

И тут вся колода поднялась в воздух и набро-

силась на девочку. Она — не то от страха, не то от обиды — принялась кричать, отбиваться и… проснулась! Голова её лежала на коленях сестры, и та осторожно смахивала с её лица сухие листочки, облетевшие с дерева.

— Просыпайся, дорогая! — сказала сестра. — Как же ты долго спала.

— Ах, какой удивительный сон я видела! — воскликнула Алиса и рассказала про все чудеса, что ей приснились.

Когда она закончила, сестра поцеловала её и сказала:

— Это и в самом деле удивительный сон! Ну а теперь беги скорее пить чай — уже поздно.

* * *

Пока бежала домой, Алиса не переставала думать о том, какой странный сон ей приснился. О необыкновенных приключениях, которые приснились Алисе, думала и её сестра, глядя на заходящее солнце. От долгих размышлений её потянуло в сон, и она закрыла глаза.

Сначала она увидела Алису, почувствовала её маленькие ручки у себя на коленях, услышала её голос. Потом поняла, что смотрит в её ясные глаза, и увидела, как она по своей привычке тряхнула головой, чтобы откинуть волосы со лба. Всё вроде по-прежнему, и в то же время что-то изменилось, будто вдруг ожило. Оказывается, все, кого видела Алиса во сне, были теперь здесь.

Высокая трава шелестела под лапками спешив-

шего куда-то Белого Кролика; слышался лёгкий плеск воды — это Мышь, попав в пруд, плыла к берегу; чашки Мартовского Зайца и его приятеля, всё продолжавших своё бесконечное чаепитие, громко звенели; раздавался пронзительный голос Королевы, приказывавшей отрубить кому-то голову; ребёнок-поросёнок чихал, сидя на руках у Герцогини; тарелки и блюда летали и разбивались вдребезги, а издали доносились крик Грифона, скрип грифеля маленького Билла, сдавленные вопли Морской Свинки, которую засовывали в мешок, и отчаянные рыдания несчастной Черевродепахи.

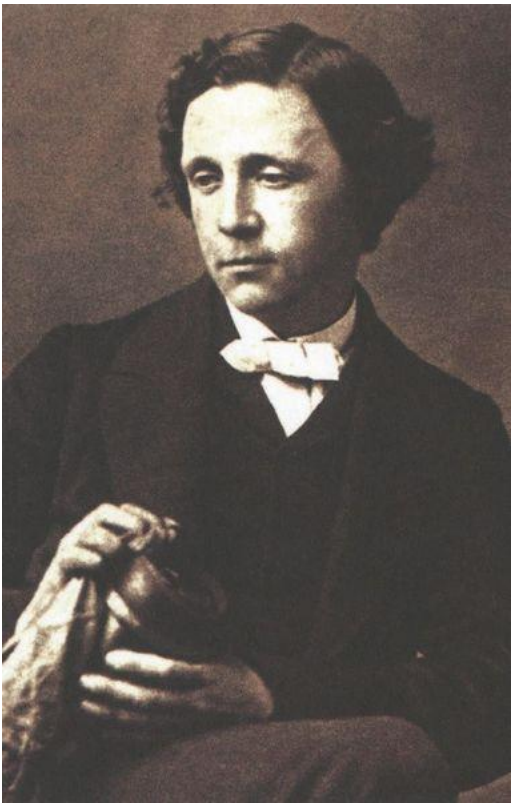
Сестра Алисы продолжала сидеть с закрытыми глазами, представляя, что это она сама очутилась

в волшебной стране, хотя знала, что стоит ей открыть глаза, и всё тотчас же исчезнет: трава будет шелестеть только от ветра; плеск воды будет слышен лишь тогда, когда ветви ив на берегу пруда закачаются и коснутся её; звон чашек превратится в звон колокольчиков пасущегося стада; крик Королевы — в покрикивания мальчишки-пастуха, чиханье ребёнка, скрип грифеля маленького Билла и все другие звуки — в смешанный неясный гул, доносившийся с фермы, а рыдания печальной Черевродепахи — в далёкое мычание коров.

Плавно мысли девушки перетекли на младшую сестрёнку. Какой вырастет она. У неё будет доброе и любящее сердце — такое же, как и теперь. Она так же будет собирать вокруг себя детей и, чтобы доставить им удовольствие и заставить блестеть их глазки, рассказывать разные чудесные истории, а может, вспомнит и свои приключения в волшебной стране, которые видела во сне, когда сама была ребёнком. Алиса всегда будет сочувствовать их детским горестям и разделять с ними радости, возвращаясь мыслями в счастливые летние дни своего детства.

Льюис Кэрролл

(1832–1898)



Более 150 лет отделяют нас от момента создания самого известного произведения Льюиса Кэрролла, которое очаровывает и будоражит воображение читателей. Любознательная Алиса, Белый Кролик, соня Сурок, безумный Шляпник, Синяя Гусеница, Чеширский Кот и птица Додо стали одними из любимейших литературных героев всех времён.

Льюис Кэрролл — псевдоним Чарльза Лютвиджа Доджсона, английского математика, преподавателя в колледже Крайст-Чёрч в Оксфорде. Он был дружен с семьёй декана колледжа Генри Лидделлом. Одна из его дочерей Алиса Лидделл и стала прототипом героини сказки «Приключения Алисы в Стране чудес».

Мэйбл Люси Эттвелл

(1879–1964)

Через 14 лет после того, как Льюис Кэрролл написал о «Приключениях Алисы в Стране чудес», в Лондоне родилась Мэйбл Люси Эттвелл — девочка, которая очень полюбила рисовать. Недостаток тепла в строгой викторианской семье ей заменило рисование.

Уже в 16 лет Мэйбл смогла продавать свои работы и самостоятельно оплатила свое обучение в Лондонском колледже искусств Святого Мартина — именно того самого знаменитого института, который так востребован у современных дизайнеров. Реклама, иллюстрации для журналов, рождественские и поздравительные открытки — в том числе и королевской семьи, мотивы для росписи фарфора и тканей имели очень большой успех и принесли ей признание. Работая для модных журналов — «Татлер» и других, она особенно тщательно оттачивала свой стиль — динамичные позы, интересные мизансцены, и при этом минимум изобразительных средств.

Она была уже известной художницей, когда издатели сделали ей заказ на создание иллюстраций для «Алисы в Стране чудес», одной из её любимых сказок.

«Алиса» с её иллюстрациями имела большой успех — ведь в них были и английская сдер-

жанность, и лаконичность, и скрытый юмор, и безупречный стиль. И конечно, это была уже Алиса не «кэрролловской» эпохи, а девочка, современная для начала XX века, — она даже носила короткое платье!

И через несколько лет М.Л. Эттвелл заказал иллюстрации к свой книге уже сам автор. Этим автором был знаменитый сказочник Джеймс Барри, а сказка называлась «Питер Пэн».

Были и другие книги: Эттвелл проиллюстрировала многочисленную детскую классику, например, сказки Андерсена, «Стихи и песенки Матушки Гусыни» и другие.